

**Слова и речи
митрополит Макарий (Булгаков)**

Слово в неделю православия¹

«Аще кто вам благовестит, паче еже приясте, анафема да будет» (Гал. 1, 9).

Не раз в домашних беседах нам предлагали вопрос: «от чего же, когда все в человечестве изменяется, развивается, усовершенствуется, одно Христианство остается неизменным, без всякого развития и усовершенствования, одна Церковь православная считает даже своим отличительным свойством то, что она неизменно сохраняет принятое ею вначале от Господа?.. Но может ли, не должна ли эта неподвижность, при всеобщем прогрессе, служить укором Христианству и православной Церкви?» Вопрос, как сами видите, братие, такой важности, что заслуживает и не домашней беседы. И ныне особенно, когда святая мать наша торжествует свое православие и поражает анафемою дерзающих изменить или отвергать святую веру Христову, ныне весьма прилично нам побеседовать об этом вопросе и с церковной кафедры.

Справедливо ли, что все в человечестве изменяется, – не изменяется одно Христианство? Напротив, все, что только есть в человечестве человеческого, что относится к его сущности, все это остается неизменным, всегда одним и тем же. Изменились ли в людях их природа, их силы и прирожденные им законы? Ни мало. И мы имеем ту же самую двойственную природу, вещественную и духовную, какую имели наши прародители, хотя, увы, – зараженную грехом; и мы обладаем теми же самыми силами и способностями, телесными и душевными, умственными и нравственными, которые даны были Богом еще при творении Адаму и Еве; и мы мыслим и желаем, живем и действуем по тем же самым законам, по каким жили и действовали они. Прошли века и тысячелетия, а человечество не изменилось ни в своей природе, ни в силах, ни в законах. От чего? От того, что так оно создано, так угодно его Творцу, иначе – от того, что в основании человечества положена воля Божия, высочайшая и неизменная. После этого можете судить, разумно ли желать или требовать изменяемости от Христианства. Что такое Христианство? Это сверхъестественная помощь Божия падшему человеку. Яснее – это совокупность сверхъестественных средств, данных нам Богом для нашего очищения от грехов, освящения и облаженствования. Кто ж из людей в праве сказать, что то или другое из богодарованных средств не нужно, и, следовательно, может быть отвергнуто, то или другое из них не хорошо, и потому может быть изменяемо? Еще яснее: Господь Бог благоволил

даровать нам свое откровение или учение, и в нем истины веры, законы нравственности и св. обетования, которыми мы должны водиться на пути к горнему отечеству. И мы ли осмелимся изменить или отвергнуть какую либо из всех этих истин? Разве истина может быть более или менее истиною? Изменить или отвергнуть после того, как изрек ее сам Бог? Господь Бог даровал нам главнейшие священнодействия, – семь спасительных таинств: таинство крещения, чтобы мы, рожденные во грехах, возрождались в нем для жизни благочестивой и содейвались чадами Божиими; таинство миропомазания, чтобы мы получали чрез него «божественные силы, яже к животу и благочестию» (2Петр. 1, 3); таинство покаяния, чтобы мы вновь очищались в нем от грехов, совершенных после крещения; таинство причащения, чтобы мы, приискренне соединялись с своим Главою и Спасителем; другие таинства – для других высоких, известных вам, целей. Сколько ж нужно своеволия и дерзости со стороны человека, чтобы отвергнуть или исказить какое либо из этих священнодействий, установленных самим Богом? Господь Бог даровал нам церковное управление: основав на земле свою св. Церковь, Он учредил в ней священноначалие, – чин пастырей и учителей, которых и облек своею божественною властью блюсти и преподавать людям откровенное учение, совершать для них священнодействия и руководить верующих в царство небесное. Как же позволит себе кто либо из нас изменить это церковное устройство и управление, отвергнуть или низвергнуть богоучрежденную иерархию, перемешать взаимные права и обязанности пастырей и пасомых? Если неизменяемо человечество в своей природе, силах и законах, то точно так же должно оставаться неизменяемым и Христианство в своем существе – в своем учении, священнодействиях и управлении: потому что в основании человечества и Христианства равно лежит воля Божия, высочайшая и неизменная.

Справедливо ли, что все в человечестве развивается, – не развивается одно Христианство? Там, где есть жизнь, силы, деятельность, там естественно развитие. И человечество действительно развивается. Мы по опыту знаем, как со времени появления на свет все мы росли, развивались и укреплялись своим телом, как пробуждалась наша душа, пробуждались и раскрывались ее способности и силы; знаем, как поколения, следуя за поколениями и получая одни от других разные изобретения и учреждения, продолжают идти по начатому пути и простираются далее и далее. Но, заметьте, что хотя человечество, и в отдельных лицах и вообще, развивается, однакож при этом ни сколько не изменяются в нем ни природа, ни силы, ни законы. А в таком смысле развивается и

Христианство. Во всей целости и неизменности соблюдает православная Церковь божественное учение; но она всегда, по власти ей данной от Бога и предохраняемая от заблуждений Духом Святым, постоянно в ней обитающим, раскрывала и изъясняла это учение для своих чад и не престаёт раскрывать его более и более соответственно их потребностям. Когда возникали искажения в вере и ереси, пастыри Церкви сходились на соборы, и на основании слова Божия, наставляемые тем же Духом истины, определяли и излагали спорные догматы с большею точностию и раздельностию, нежели как они были предлагаемы до того времени. Чтобы не только утверждать верующих в православии, но и предохранять от всякого соращения, святая Церковь давала и даёт им по временам, кроме постоянных кратких образцов Веры, составленных соборами, и обстоятельнейшия изложения Веры, направляя эти последние против господствующих ересей и расколов и потому раскрывая некоторые истины с новых сторон, с каких оне не были раскрываемы прежде. Равным образом во всей целости и неизменности сохраняет православная Церковь и богоучрежденные священнодействия, — семь святых таинств, составляющих как бы основание и средоточие ея общественного богослужения. Но, по власти, от Бога данной, она никогда не сомневалась более и более раскрывать и устроить это богослужение: составляла или принимала новыя молитвы и песнопения, целыя последования и службы, учреждала праздники, посты, крестные ходы и другие священные обряды; не усомнится, конечно, и впредь открывать празднества и составлять службы в честь новых угодников и в память новых благодеяний Божиих. Наконец неизменно сохраняет православная Церковь и данное ей от Бога устройство и управление, строго держась тех основных правил, какия прияла она в слове Божиим, писанном и устном. Но кому неизвестно, что с самого начала Христианства предстоятели Церкви постоянно собирались на соборы и, смотря по обстоятельствам места и времени, составляли, на основании этих коренных правил, новые каноны для руководства верующим? Кто не знает, что и доселе правительственная власть в православной Церкви продолжает давать новыя постановления, применяя древние церковные законы к новым потребностям? Словом: не человечество только живет и развивается; живет и Церковь Христова, а потому развивается, не изменяя однакож самого существа Христианства.

Справедливо ли, что все в человечестве усовершенствуется, — не усовершенствуется только Христианство? Человечество действительно предназначено к усовершенствованию, и если бы человек не пал еще вначале, он постоянно усовершенствовался бы и во всех отношениях. Но после

того, как грех заразил своим ядом и низвернул природу человека, он хотя подвигается вперед на пути к совершенству, но отнюдь не постоянно и не во всех отношениях. Всего заметнее усовершенствование людей умственное: бывают периоды, когда у одного или у нескольких народов быстро распространяется и возвышается просвещение, процветают науки, искусства, художества; но за тем просвещение постепенно ослабевает, а иногда следуют даже времена мрака и невежества. Нельзя также отрицать, что многие народы усовершеншались и усовершенствуются в отношении гражданском, домашнем, торговом и вообще во всем том, что относится к вещественному быту человека и удобствам его временной жизни, хотя, как всякому известно, и этого рода усовершенствования совершаются не непрерывно, а часто сменяются неудачами или совершенно прекращаются. Но можно ли сказать, что человечество усовершенствуется в нравственном отношении? Увы, совсем напротив. Древний мир, за исключением некоторых частных лиц в иудейском народе, постепенно низпадал в этом отношении, так что пред рождением Спасителя нечестие рода человеческого достигло самой последней своей степени. В новой истории человечества, хотя первые времена Христианства представили многие и высокие образцы нравственного совершенства, но в последующие века благочестие начало более и более ослабевать между самими христианами. И в наши дни, столько славящиеся, и справедливо, успехами и изобретениями разума и чудными применениями этих изобретений к житейскому быту, можем ли мы похвалиться так же успехами нравственности? Или скорее должны сознаться с прискорбием, что в самых средоточиях современного образования нечестие видимо растет и из них распространяется повсюду? А между тем нравственное усовершенствование и есть самое важное из всех видов усовершенствования человеческого: оно только одно собственно возвышает и облагораживает самую нашу духовную природу и уподобляет нас Богу; оно одно может приобрести нам вечную жизнь и блаженство, – тогда как прочие виды нашего усовершенствования, в умственном ли то отношении или материальном, без соединения с нравственным, могут служить нам только в настоящей жизни. Что-ж надобно, чтобы человечество могло усовершеншаться и в нравственном отношении, т. е., истинно усовершеншаться? Вот для этого-то и дано нам от Бога Христианство. Оно есть совокупность сверхъестественных средств, предназначенных для врачевания наших нравственных язв и прочих, привнесенных в нас грехом, для действительного очищения, обновления и усовершенствования всего нашего существа, – средств единственных, без которых ни отдельные

лица, ни все человечество, ничем и никогда не в состоянии излечиться от своей греховной заразы, чтобы потом постепенно возвышаться до богоуподобления. Христианство неизменно само в себе и неусовершимо, хотя и развивается св. Церковь, когда она прилагает эти божественные врачевства к уврачеванию своих духовных чад, – неусовершимо: потому что врачевства эти даны самим Врачем небесным и суть самые лучшие на все времена. Но Христианство, если позволим себе так выразиться, может усовершенствоваться в нас, как и развивается и раскрывается оно Церковью только для нас. За тем и дано оно нам, чтобы мы усвоили его себе, пользовались им. А по мере того, как мы будем переводить в себя Христианство, насаждать и возвращать его в себе, оно, как уже наше, будет постепенно усовершенствоваться в нас. Святая Церковь Христова преподает нам божественное учение, совершает для нас спасительные таинства, подчиняет нас своему духовному управлению, чтобы всех привести к вечной жизни. И чем более мы будем принимать это учение и утверждаться в Вере, чем усерднее будем пользоваться этими таинствами и благодатными силами, чрез них нам сообщаемыми, чем послушнее будем предаваться церковному водительству и подвигаться по пути благочестия: тем более и более мы будем усовершенствоваться в Христианстве, а Христианство, нами усвоенное, будет усовершенствоваться в нас.

Да не обольщают же вас, братие мои, пышные возгласы гордых мнимо-образованных людей нашего времени, которые постоянно твердят о прогрессе человечества и о неподвижности, отсталости Христианства. Помните твердо, что если, по воле Божией, неизменно Христианство в своей сущности, то так же неизменно и человечество; если развивается человечество, при своей неизменности, то развивается и Христианство, но только не частными лицами, а св. Церковью, руководимую Духом Святым; что если усовершенствуется человечество, то только в умственном отношении и материальном, а в нравственном отношении может усовершенствоваться единственно при пособии Христианства, которое и само, будучи неусовершимо в существе, может усовершенствоваться в нас. Не о том мы должны помышлять и заботиться, чтобы изменять, развивать и усовершенствовать нашу святую веру, а о том, как бы нам самим, при помощи ея, измениться к лучшему, развиваться и усовершенствоваться, как бы нам из худых и порочных соделаться добрыми и благочестивыми, отвыкнуть от нашей гордости, сребролюбия, честолюбия и других страстей и украситься христианским самоотвержением и христианскою любовью к Богу и ближним, как бы нам восходить по духовной лестнице все выше и выше, от совершенства к свершенству, пока, наконец, не взойдем на самое небо и не повергнемся

пред престолом Всесовершеннейшаго. Аминь.

Речь благочестивейшему Государю Императору Александру Николаевичу пред вступлением Его Величества в Харьковский кафедральный собор².

Благочестивейший Государь!

«Саул победил тысячи, а Давид тьмы!» восклицали некогда жены израильския, после поражения филистимлян (1Цар. 18, 7). Твоя победа выше и больше Давидовой: Ты победил не оружием, а благодеянием, не тьмы или десятки тысяч, а целые миллионы. Ты победил миллионы сердец всех этих людей, которых мановением царской власти извел в свободу гражданской жизни, и которые прежде были преданы Тебе как Царю, а теперь не могут не любить Тебя как истинного своего Отца. Ты победил миллионы сердец и всех верных сынов России, которые способны понимать, какое великое добро Ты совершил для их родины, и не могут не видеть в Тебе Отца правосуднейшаго, равно пекущагося о всех своих детях. Твоя победа, направленная исключительно к счастью вверенного Тебе Богом царства, далеко оставляет за собою победы многих других царей-завоевателей, которые, нередко покоряя своей власти чуждые народы, не умели покорить себе сердец своих подданных и, раззоряя, опустошая соседственные страны, мало приносили пользы, а иногда приносили даже вред и своей собственной.

Не перестанем молить Господа, да дарует Он и Тебе, наш Державный Отец, и нам, чадам Твоим, насладиться плодами Твоей высокой, нравственной, христианской победы, безпримерной в летописях нашего отечества. Аминь.

Слово в день усекновения главы святого Пророка, Предтечи и Крестителя Господня Иоанна. О помощи славянам³.

«И послав усекну Иоанна в темнице, и принесоша главу его на блюде» (Матф. 14, 10–11).

Настоящий праздник, трогательный для нас всегда по тем священным воспоминаниям, которые он пробуждает, становится для нас еще трогательнее в виду современных событий, заставляющих трепетать всякое русское сердце.

С благоговейною грустью, в посте и молитве, воспоминаем мы ныне усекновение главы честного, славного Пророка, Предтечи и Крестителя Господня Иоанна: а сколько посечено уже глав, сколько еще сечется глав, на Балканском полуострове! Невинно пострадал величайший из рожденных женами: а за что ж страдают, за что избиваются эти десятки, сотни, тысячи, десятки тысяч славян, эти младенцы, дети, отроки, девы и вообще люди всякого возраста, звания и состояния? За что поголовно истребляются целые семейства, целые поселения? Ирод был виновником смерти славного Пророка; но и Ирод показал в себе нечто человеческое: он «печален бысть» (Матф. 14, 9), когда решался на такое злодеяние, и велел только усекнуть главу своей жертвы, без каких-либо предварительных пыток и истязаний. А современные нам Ироды – разве это люди, разве не кровожадные звери? Они предают свои жертвы всевозможным мукам, ругаются над ними в минуты их страданий, услаждаются их стонами и воплями. Вся Европа содрогнулась, когда узнала правду о неслыханных зверствах, совершенных в Болгарии и других странах славянских. Как же не содрогаться нам, русским, когда мы знаем и чувствуем, что эти невинные страдалцы, эти новые мученики – наши братья по вере?

С теплою молитвою воспоминаем мы ныне наших христолюбивых воинов, всех, всех, которые в течение веков, мужественно охраняли и защищали нашу св. веру, наше возлюбленное отечество, и положили за них живот свой. Но за что ж борются теперь и славянские воины, как не за ту же православную веру, которая вот уже более четырех веков оскорбляется, унижается, подвергается стеснениям и преследованиям в мусульманском царстве? За кого полагают они живот свой, как не за свою родную, отечественную землю, которая столько же веков находится в позорной власти диких орд азиатских и постепенно держится ими в самых

тяжких цепях и невообразимом рабстве? За кого преимущественно подняли свое оружие эти мужественные сербы, эти витязи-черногорцы, за кого, вместе с ними, с таким геройским воодушевлением, своею доброю волею, устремились в битву эти десятки, сотни и тысячи благородных сынов России, как не за тех несчастных своих соплеменников и единоверцев, безоружных, беспомощных и лишенных всякой возможности защищаться, которые зверски избиваются свирепыми варварами и лишаются ими всяких прав человеческого существования? И сколько уже пролито там крови за святое дело, сколько угасло человеческих жизней, сколько пало дорогих жертв!

Братия мои о Господе! Вы сами чувствуете, к чему призывают нас все эти, потрясающая душу, события.

Мать ваша – православная Церковь – с одинаковою любовью объемлет всех своих чад, без всякого разделения их по племенам и народам, и с одинаковою любовью молится о всех их. Соединим же и мы ныне с молитвами о наших отечественных православных воинах, за веру и отечество живот свой положивших, – соединим молитвы и о всех тысячах православных христиан, безпощадно избиенных в наши дни от зловерных агарян в Болгарии и других странах славянских; соединим молитвы и о всех славянских воинах, уже положивших жизнь за те же святые начала, дорогая всякому человеку, за которые умирали всегда и наши христоролюбивые воины; соединим молитвы и о тех наших доблестных соотечественниках-добровольцах, которые поспешили на помощь к своим соплеменникам-славянам, и своею кровию еще раз засвидетельствовали им, какою безкорыстною любовью пламенеют к ним сыны России. Да вознесется ныне о всех этих скончавшихся братиях наших единая, нераздельная, совокупная наша молитва к Господу Богу и да принесет она им, благодатию Божиею, мир, отраду, утешение и успокоение в стране загробной!

Но это только для умерших... А что же для живых? Для них недостаточно одной нашей духовной молитвы; им нужна, крайне нужна и наша помощь вещественная. Знаю, знаю, что вы уже принесли ее и без моего призыва, а по призыву самих грозных событий, которых, особенно на первых порах, действовали на нас с такою неотразимою силою, что, казалось, делали почти излишним всякий другой призыв. Знаю, и благодарю Бога, что и в нашем богоспасаемом граде, в нашей небольшой православной семье, здесь, с живейшим сочувствием откликнулись все на голос нуждающихся братий очень немалыми пожертвованиями. Знаю, и благодарю Бога, что и во всей, Богом вверенной мне духовной пастве,

сравнительно немногочисленной, при полном усердии достойных пастырей Церкви, действовавших и словом, и собственным примером, собрались также отнюдь не скудные приношения для той же цели. Но теперь-то именно, когда первые впечатления от грозных событий начали естественно ослабевать, когда некоторые, принесшие уже не раз, и не два, и не три раза, свои посильные жертвы, стали спрашивать: не довольно ли? – когда, к сожалению, оказалось еще, что иные и не совсем правильно понимают значение приносимых ими жертв, теперь-то наиболее и я признаю благовременным возвысить мой слабый пастырский голос. Припомните, что сказал Господь наш, когда Его спросили: сколько раз должно прощать ближнему; не довольно ли до семи только раз? – Нет, отвечал Господь, прощайте не до семи только раз, а до седмижды семидесяти раз (Матф. 18, 21–22). Тоже следует сказать и о пособии ближним. Нам заповедано: «будьте милосерди, якоже и Отец ваш милосерд есть» (Лук. 6, 36), – а Отец наш небесный милосерд без конца. Не спрашивайте себя, сколько раз вы уже подали и какую сумму подали, а подавайте еще и еще, пока имеете возможность. Подавайте не для того, чтобы хвалиться своими приношениями и укорять других, не для того, чтобы об вас разглашали, будто вы одни приняли участие в пожертвованиях и потому достойны всеобщего уважения, тогда как другие, будто бы, и глухи, и немые, и вовсе безучастны к страданиям соплеменников-единоверцев: это не по-христиански, это отнимает цену у ваших жертвований. Но подавайте так, как учит истинная христианская любовь, которая, по словам Апостола, «не превозносится, не гордится, не ищет своих си, никому не мыслит зла» (1Кор. 13, 4–5), а об одном только заботится, чтобы действительно пособить нуждающимся, вовсе забывая о себе, и принести Богу жертву чистую и угодную. Не стесняйтесь тем, что вы не в состоянии сделать больших приношений: приносите столько, сколько вам по силам. Вы знаете, что и лепта, принесенная от усердия и любви, бывает дороже всяких других жертв, совершаемых без усердия, а с суетною целию, и что из лепт-то и составляются большие суммы. Помните одно: там вопль, там стон, так скрежет зубов; там тысячи без пищи, без одежды, без крова, пристанища; там нужды, вопиющие нужды, порожденные войною, и день ото дня увеличивающиеся.

Да будет Божие благословение на всяком, кто в настоящие роковые минуты для наших братьев славян помолится о них от искреннего сердца и с братскою любовью не перестанет простирать им руку помощи. Аминь.

(Литовския епархиальныя ведомости.)

Речь в день Богоявления Господня, сказанная в Предтеченской церкви архиерейского дома 6-го генваря 1858 года.

Сегодня мы светло торжествуем крещение нашего Господа. Но не более ли, братие, нам прилично ныне сетовать и скорбеть? Крещение св. Иоанна было «крещение покаяния» (Марк. 1, 4), и «вся иудейская страна» сходилась к нему на Иордан за тем, чтобы при крещении «исповедывать грехи своя» (Марк. 1, 5). Значит, когда явился к Иоанну и Христос Спаситель вместе с прочими, Он явился, как грешник, и видимо «со незаконными вменися» (Ис. 53, 12), – Он, святейший святых по Божеству и совершенно непричастный греху по человечеству! И от кого же Он приемлет крещение, – Царь царствующих и Господь господствующих? От одного из своих рабов. «Аз требую Тобою креститься», говорил Ему изумленный Иоанн, «и Ты ли грядеши ко мне» (Матф. 3, 14). В таком-то уничижении представляет нам нашего Господа Его крещение! За то, с другой стороны, смотрите, как и славно было оно для Господа, и как спасительно для нас.

Едва только Христос принял крещение от Иоанна и начал выходить из воды, вдруг отверзлись над Ним небеса, и Дух Святой телесным образом, «яко голубь», сошел на Него, и раздался с небеси глас: «сей есть Сын Мой возлюбленный, о Немже благоволих» (Матф. 3, 16–17; Лук. 3, 22). Этого не удостоивался никто из крещенных Иоанном; это ясно показало всем, кто был крестившийся Иисус. Прошло уже около тридцати лет, как Он родился; но доселе Он оставался почти в совершенной неизвестности, как для иудеев, посреди которых жил, так даже для Иоанна, к которому пришел креститься. Теперь Он вдруг «является Израилеви» (Иоан. 1, 31). И как является? Торжественно пред лицом неба и земли, в присутствии всех, бывших свидетелями Его крещения. Как является? Во всей славе своего Божества, так что, узнавши Его, Иоанн с этого времени начал проповедывать о Нем иудеям: «сей есть Сын Божий, се Агнец Божий, взявляй грехи мира» (Иоан. 1, 29–35). Как является? В чудном, никогда еще не бывавшем, чувственном откровении или богоявлении всей Пресвятой Троицы. Для того, чтобы засвидетельствовать о Нем всему миру, как об истинном Сыне Божиим, явившемся на земле в чувственном виде человека, явился ныне на Иордане и Отец в чувственном гласе, который обращен был к Нему – Сыну, явился и Святой Дух в чувственном

виде голубя, который сошел на крестившагося Иисуса. Нет сомнения, что не только дольний, но и весь горный мир был свидетелем этого славного необычайного богоявления и явления миру воплотившагося Сына Божия.

Впрочем, как ни славно было крещение нашего Господа для Него самого, Он крестился собственно не для Себя, а для нас. Не для Себя: потому что Он не имел нужды в крещении, как совершенно безгрешный по Божеству и по человечеству. Для нас: потому что с самого рождения своего, как наш Искупитель, Он воспринял на Себя грехи всего человечества и все, что ни совершал на земле, совершал единственно для того, чтобы избавить нас от грехов. С этими-то чуждыми, но добровольно принятыми Им на Себя, грехами, Он и пришел ныне для крещения к Иоанну. Следовательно, в лице Иисуса как бы крестилось от Иоанна все человечество; в лице Иисуса предзнаменательно нисшел Дух Святый на все человечество; в лице Иисуса и ко всему человеческому роду пророчесвенно относился глас Отца небесного: «сей есть Сын Мой возлюбленный, о Немже благоволих». Ибо своим крещением от Иоанна, Христос, по выражению св. Златоуста, «исполнив крещение иудейское, отверз двери и крещению Церкви новозаветной» (Бесед. на Матф. XII, 3), – тому крещению, в котором мы действительно очищаемся от всякого греха, тому крещению, в котором на каждого человека действительно нисходит Дух Святый и все люди действительно соделываются сынами Отца небесного, чадами Божиими.

Можно ли после этого, братие, не торжествовать нам тот день, когда с такою славою явился миру наш Спаситель и когда в лице Его и мы все крестились во Иордане и прияли Духа Святого, «Духа сыноположения, о Немже вопием» к Богу: "Авва Отче" (Рим. 8, 15)? Да будет же ныне радость наша сознательна и разумна. Да будет она вместе – чистая и святая, какая прилична только-что крестившимся и удостоившимся принять Святого Духа. Аминь.

Слово в неделю Ваий, сказанное в Предтеченской церкви архиерейского дома 16 марта 1858 года.

«Осанна, благословен грядый во имя Господне, Царь Израилев» (Иоан. 12, 3).

Торжествен был последний вход нашего Спасителя в Иерусалим. Он шествовал, как Царь, сообразно древним пророчествам, сидя «на жребяти осли». Безчисленное множество народа, пришедшего на праздник в св. град, услышав о приближении Иисуса, взяли ваии от финик и вышли в сретение Ему. И потом одни предшествовали Ему, другие сопутствовали; одни в восторге снимали с себя одежды и постилали пред Ним, другие резали ветви от деревьев и бросали на Его пути, и все не только взрослые, но и самая дети взывали к Нему: «осанна Сыну Давидову, благословен грядый во имя Господне, Царь Израилев, осанна в вышних» (Матф. 21, 8–9). Не дивно ли после сего замечание Евангелиста, что Христос, когда приблизился к Иерусалиму, то, «видев град, плакася о нем» (Лук. 19, 41)? Что бы это значило? Отчего, когда все вокруг Спасителя радовалось, Он один плакал? Ужели Ему не угодны были эти ликования иудеев, это живое сочувствие к Нему, эта торжественная встреча?

Иудеи встречали Его, как своего Царя... Но они не разумели Его: их понятия о Мессии-Царе были превратные, чувственные. Иудеи думали, что Христос будет их земным царем-завоевателем, что когда Он сядет на престоле Давидовом, то прежде всего освободит их от ига римлян, под которым они тогда находились, а затем победит все народы, так что народ Божий соделается властелином вселенной. Сколько ни старался Господь во дни общественного проповедания своего разсеять этот пагубный предразсудок, все еще предразсудок оставался господствующим между иудеями. И с такими-то суетными надеждами они встречали теперь Христа, как своего Царя, в Иерусалиме! Этого не довольно: в то время, как одни, целыми толпами, встречали Его с радостью и приветствовали, как своего Царя, другие, враги Его, книжники и старейшины иудейские, тайно «негодоваша» и еще более ослеплялись завистью и ненавистью к Нему, еще ревностнее заботились, как бы скорее погубить Его (Матф. 21, 15). И тут не все: Господь предвидел, что даже эти самая ликующия толпы, оказывающия Ему теперь царския почести, чрез несколько дней совершенно оставят Его и перейдут на сторону Его врагов, что те самые,

которые ныне взывают: «осанна Сыну Давидову», Царю Израилеву, чрез несколько дней будут вопиять: «возми, возми, распни его; не имамы Царя, токмо Кесаря» (Иоан. 19, 15). Но взор Господа простирался еще далее. Он предвидел, как враги иудейского народа, римляне, приидут и обложат св. град Иерусалим со всех сторон своими несметными полчищами, как разрушат его, избьют всех его чад и не оставят в нем камня на камени. За что же? За то, что не уразумел ныне Иерусалим дня посещения Господня, что иудеи не узнали своего истинного Мессию, и чрез несколько дней предадут Его даже на смерть... (Лук. 19, 42–44). Вот почему Господь плакал ныне о св. граде посреди ликующих иудеев. Он видел не одно внешнее, а самыя мысли их, видел не одно то, что совершалось вокруг Него, а и все, что происходило и замышлялось тогда во Иерусалиме, видел не одно настоящее, но и будущее св. града.

И мы, братие, и мы светло празднуем ныне торжественный вход нашего Спасителя в Иерусалим. И мы встречаем Его, как Царя, с ваиями в руках и, нося эти знамения победы, вопием Ему, яко победителю смерти: «осанна в вышних, благословен грядый во имя Господне!» Что же, нет ли и в нашем праздновании чего-либо неугодного нашему Господу?

Наши понятия о Нем, как о Царе, без сомнения, понятия истинныя. Мы веруем, что Он есть Царь благодатного царства или Церкви, которую Он основал на земле. Мы знаем, что хотя Он входит ныне во Иерусалим для крестных страданий, но что Он постраждет собственно для того, чтобы победить наших врагов – смерть и ад, чтобы примирить нас с Богом и стяжать нам дары Святого Духа, чтобы ниспослать Святого Духа на своих апостолов и чрез них проповедать Евангелие всей твари и создать в мире из всех людей, не только из иудеев, но и язычников, одно благодатное царство, в котором Он будет царствовать до скончания века. Такие понятия суть те самыя, которыя благовествовал сам Господь, и следовательно празднование наше, проникнутое ими, по крайней мере в этом отношении, не может быть для Него прискорбным. Но не повторяется ли и между нами ныне чего-нибудь подобного, что происходило в Иерусалиме, когда входил в него Христос? Нет ли между нами людей, которые, взирая на славу Христа-Царя, на распространение и процветание Его благодатного царства на земле, не только не содействуют успехам св. веры, но даже противодействуют, чем могут, и готовы были бы ее совершенно угасить? Нет ли и таких, которые хотя с радостию приветствуют ныне Христа, входящего со славою в Иерусалим, но чрез несколько дней или даже ныне перейдут на сторону Его врагов? А враги Христовы – это диавол и все, творящие волю его; это еретики и

раскольники, раздирающие Церковь и производящие в благодатном царстве Христовом мятежи и междоусобия и погубляющие тысячи слабых душ; это вообще все беззаконники, противящиеся воле Божией. Нет ли между нами сынов погибели, которые, если не будут вскоре вопиять о Христе: «возми, возми, распни Его», то сами «второе распнут» Его духовно своим отпадением от веры, или вообще своею безбожною, не христианскою жизнью? Нет ли несчастных, которые своею нераскаянностью во грехах и ожесточением уготовляют себе еще худшую участь, нежели какая ожидала Иерусалим за неузнание им и распятие Мессии, – уготовляют себе вечныя муки? Пред Господом все это открыто вполне; Он видит не только всю нашу жизнь от начала до конца, но самые наши сердца. И всякий ли из нас скажет после того, что участие его в настоящем торжестве Церкви приятно Господу?

Братие-христиане! Все мы знаем, что Христос есть Царь благодатного царства или Церкви, все имеем счастье принадлежать к этому царству. Будем же любить своего Царя и Господа, будем исполнять неуклонно Его св. волю и пользоваться всеми средствами, какия подают Он нам для нашего спасения: ибо если Он основал свое царство на земле и царствует в нем, то единственно для нашего же спасения. Тогда не только настоящее, но и все другия наши празднества в честь Его, соделаются для Него истинно-угодными. А между тем вспомним, что кроме Иерусалима земного, куда вошел ныне Христос, есть еще Иерусалим небесный, кроме царства благодати есть и другое царство Христово – царство славы. Сам Христос вошел уже туда во всей своей славе, когда вознесся на небеса; но некогда Он введет туда со славою и всех своих истинных последователей. О, если бы и нам удостоиться войти в этот горний Иерусалим! С какою бы радостью мы торжествовали тогда этот торжественный вход, – торжествовали не день какой-либо, а целую вечность! Аминь.

Речь в Великий пяток, сказанная в Киево-Софийском соборе в 1842 году.

«По Христе молим, яко Богу молящу нами, молим по Христе: примиритесь с Богом» (2Кор. 5, 20).

Мы у гроба своего Спасителя; пред нами всемирная Жертва, принесенная на Голгофе для нашего примирения с Богом. О чем же служителю Церкви вещать здесь христианам, если не о том: «примиритесь с Богом, примиритесь с Богом»?...

Но здесь мало только вещать.... При виде столь великой Жертвы необходимо даже молить их о том, молить от лица самого Господа, умершего на кресте для их примирения с Богом, и от лица самого Отца небесного, который «бе во Христе мир примиряя себе» (2Кор. 5, 19). «По Христе молим» вас, братие, «яко Богу молящу нами, молим по Христе: примиритесь с Богом».

Воззрите, чего стоило дражайшему нашему Искупителю великое дело примирения нашего с вечною правдою Божиею. Сколько здесь явилось Его глубочайшего самопожертвования для насъ – грешных, Его безпредельной благодати и любви к человеческому роду! Для сего Онъ – Царь царствующих и Господь господствующих, «на негоже не смеют чини ангельстии взирати», не устыдился принять на Себя зрак раба, зрак последняго и недостойнейшого из рабов, прогневавшего Его своею непокорностию и своеволием. Для сего Онъ – "Бог славы" (Псал. 28, 3) и «Бог всякия утехы» (2Кор. 1, 3) благоволил умалить Себя до крайней степени унижения, и добровольно, «вместо подлежащая Ему радости, претерпе крест, о срамоте нерадив» (Евр. 12, 2), «язвен бысть за грехи наша, и мучен бысть за беззакония наша» (Ис. 53, 5). А каковы еще были самая мучения Его? Мы знаем ужасную силу греха; знаем, что одно первое преступление нашего праотца подвергло всех безчисленных потомков его безконечному ряду бедствий; знаем, что каждый грешник за свои только грехи будет за гробом мучиться вечно. Сколько же должен был вытерпеть Господь наш, пострадавший не за один какой-либо, а за все наши грехи, не за одного, а за всех грешников, какие только были, есть и будут на земле, и пострадавший, без сомнения, соразмерно тяжести всех этих грехов!... О, не без причины же и Он, Богочеловек, до кровавого пота молился к Отцу своему в саду Гефсиманском: «Отче Мой, аще возможно есть, да мимоидет от Мене чаша сия», – и еще пред тем, открывая возлюбленным ученикам своим внутренния страдания свои, сказал:

«прискорбна есть душа Моя до смерти» (Матф. 26, 38–39)! Не без причины и Он, преисполненный нестерпимо-горестных чувствований, не мог «гласомъ велиимъ» не возопить на кресте: «Боже Мой, Боже Мой, вскую Мя еси оставил» (Матф. 27, 46). Муки Его были такие, каких от века никто не терпел и не будет терпеть ни во времени, ни в вечности. Это были «болезни адовы» (Псал. 17, 6), которые равнялись вечным мучениям всех до единого потомков падшего Адама.

Обратите внимание, чего стоила и для самого Отца небесного эта необыкновенная Жертва. Прискорбно бывает нам видеть страдания и горести нашего ближнего; тем прискорбнее, чем ближе к сердцу нашему страдалец; тем прискорбнее, чем более мы уверены в его невинности; тем прискорбнее, чем сильнее и глубже его страдания и горечь. Каково же было Отцу небесному видеть Сына своего единородного и единственного (а какой отец или мать может так бесконечно любить чадо свое?...), каково было Отцу видеть «Сына любви своей» в поношении и язве «умалена и безчестна паче всех сынов человеческих» (Ис. 53, 3)? Каково было Ему видеть этого Мужа болезней и скорбей, святейшего святых, страждущим и претерпевающим самые невыносимые муки, видеть Его крестную, поноснейшую смерть, и слышать Его последний поразительный вопль, вынужденный тяжестью мучений, от которой поколебались небо и земля? Между тем все это происходило по изволению самого же Отца. Он сам не пощадил своего возлюбленного Сына; сам предал Его за нас на мучения и смерть, и совершенно «неведевшего греха по нас грех сотвори, да мы будем правда Божия о Нем» (2Кор. 5, 20); сам излил на Него всю чашу гнева своего, дабы «чрез Него примирити нас к себе, умиротворив кровию креста Его, аще земная, аще ли небесная» (Кол. 1, 20). О, по истине, «благ Господь всяческим, и щедроты Его на всех делах Его» (Псал. 144, 9): но к кому и когда Он был столько благ, как к намъ – недостойным, когда "примири" нас «к себе в теле плоти» Сына своего «смертию Его» (Кол. 1, 22)? "Видите", видите, «какову любовь дал есть Отец нам, да чада Божия наречемъ и будем» (1Иоан. 3, 1)!

Такая ли Жертва, принесенная Сыном Божиим для примирения нас с вечною Правдою, такая ли Жертва, принесенная для сего самим Отцем небесным, не тронет сердца нашего, и не подвигнет нас на благодатное призывание Триипостасного? Мы ли откажемся ответственность Ему в том великом деле, которое касается собственно нас и нашего вечного спасения? И много ли здесь требуется от нас?... Христу-Спасителю надлежало для этого пострадать и умереть на кресте; Отцу небесному надлежало заклать своего возлюбленного Сына; а нам с тобою, собрат

возлюбленный, довольно возопить к премилосердому Господу, подобно сыну блудному: «Отче, согреших на небо и пред Тобою», – возопить из глубины сердца, с искренним сокрушением о своих беззакониях и с твердою, непоколебимою решимостию жить свято, – и мы уже прощены, мы уже примирились с Богом... О, да речет же эти краткия слова каждый из нас с духом истинного раскаяния у гроба Божественного Страдальца! Да принесет ныне каждый грешник эту малую от себя жертву во благоугождение Тому, Кто добровольно благоволил соделаться Жертвою всемирною! «По Христе молим» вас, братие, «яко Богу молящу нами, молим по Христе: примиритесь с Богом». Аминь.

Речь на Преполовление Пятидесятницы, сказанная в Предтеченской церкви архиерейского дома 16-го апреля 1858 года.

«Аще кто жаждет, да приидет ко Мне и пиет» (Иоан. 7, 37).

Не о телесной жажде говорил Христос и не о чувственной воде. Нет, Он говорил о жажде душ наших и о благодати Святого Духа, «егоже хотяху приимати верующии во имя Его» (Иоан. 7, 39). Так, братие мои, кроме телесной жажды, есть в нас и жажда духовная, и сколько для тела необходимы пища, питье, воздух, столько для души необходима благодать, которая одна служит для нея и пищею, и питием, и воздухом, заменяет все жизненные стихии. Как утолять телесную жажду, все мы знаем; но как утолять жажду нашей души, как напоить душу водами Святого Духа, едва ли знаем все. А потому речь об этом и ныне, когда каждый из нас взывает с Церковию ко Господу: «преполовившуся празднику, жаждущую мою душу благочестия напой водами», без сомнения, не будет излишня.

С того времени, как мы родились водою и духом, облеклись во Христа и получили право именовать Бога своим Отцем, самое удобное и общедоступное средство для утоления нашей духовной жажды есть молитва к нашему Отцу небесному. «Аще вы зли суще», сказал Спаситель, «умеете даяния блага даяти чадом вашим, кольми паче Отец, Иже с небесе, даст Духа Святого просящим у Него» (Лук. 11, 13). "Просите" только с верою и в силу заслуг Иисуса Христа, «и дастся вам» (Лук. 11, 9). Если в чем может отказать нам Отец небесный: то в благодати Духа Святого, необходимой для нашего вечного спасения, не откажет никогда. Каждый день мы утоляем жажду нашего тела и не раз, а несколько раз: каждый день и несколько раз мы можем и должны утолять жажду души нашей чрез усердную молитву к Богу о ниспослании нам даров благодати.

Другое, не менее удобное, средство для той же цели есть чтение Слова Божия. Священные книги наши написаны людьми – пророками и апостолами, но написаны по вдохновению Духа Святого. Потому самые глаголы, изложенные в этих книгах, «дух суть и живот суть» (Иоан. 6, 63). И читая их с живою верою, усвоая их, мы естественно исполняемся Духом, освежаемся веянием Его благодати. Если о всяком глаголе, исходящем из уст Божиих, по свидетельству Спасителя, жив будет человек (Матф. 4, 4): то тем более безчисленное множество глаголов Божиих, соединенных для нас в Божественном откровении, в состоянии всегда и напитать, и напоить,

и оживотворить наши души. Чтением Священного Писания для утоления нашей духовной жажды мы можем пользоваться так же часто и ежедневно, как и молитвою к Богу.

Есть и еще средство важнейшее и чрезвычайное, для утоления всего нашего существа: это приобщение святейшему и животворящему таинству евхаристии. «Ядый Мою плоть», сказал Господь, «и пияй Мою кровь имать живот вечный: плоть бо Моя истинно есть брашно и кровь Моя истинно есть пиво» (Иоан. 6, 54–55). Вкушая плоть и кровь нашего Спасителя, который и Сам исполнен благодати (Иоан. 1, 14) – и стяжал ее Своими заслугами для нас, мы вкушаем из самого источника благодати и «от исполнения Его вси прияхом» даже «благодать возблагодать» (Иоан. 1, 16). Этим чрезвычайным средством для напоения себя водами благочестия мы не можем пользоваться так постоянно, как молитвою и чтением Слова Божия: потому что таинство евхаристии требует всегда с нашей стороны достойного, предварительного приготовления. Но мы должны заботиться о том, чтобы, как можно чаще, готовить себя к святейшему таинству и напояться чрез него струями небесной жизни.

Наконец, к числу средств для утоления нашей духовной жажды надобно отнести и вкушение от воды естественной, но освященной посредством священнодействия Церкви, какое будет совершаться и ныне. Вся Церковь будет молиться Отцу небесному, чтобы Он освятит естество вод наитием Святого Духа, и чрез погружение в воду св. животворящего креста, которым стяжал для нас Христос все духовныя дарования, вода действительно освятится благодатию. А потому кто будет вкушать с верою от этой освященной воды, тот, утоляя свою телесную жажду естественною водою, невидимо будет напоять вместе и свою душу благодатию Святого Духа, как бы соединившеюся с водою.

Таким образом, братие, мы отнюдь не в праве жаловаться, чтобы у нас мало было средств к утолению нашей духовной жажды, или чтобы они были малодоступны: почти всеми ими мы можем пользоваться постоянно. Только будем помнить, что при этом с нашей стороны всегда необходимо одно существенное условие – живая вера. Молимся ли мы Отцу небесному о даровании нам Святого Духа, читаем ли Слово Божие, приступаем ли к таинству евхаристии, вкушаем ли от воды освященной, – мы непременно должны быть верующими: только вера отверзает нашу душу для принятия благодатных влияний Святого Духа, а без веры она остается как бы заключенною. В этом-то смысле и сказал Спаситель: «веруй в Мя не имать вжаждатися никогдаже» (Иоан. 6, 35).

Речь на Вознесение Господне, сказанная в женском тамбовском монастыре 1-го мая 1858 года.

«Вышних ищите» (Кол. 3, 1).

Был день, когда мы праздновали нисшествие Сына Божия на землю. Настал день, когда торжествуем вознесение Его на небо. И тогда взывала к нам св. Церковь: «Христос на земли, возноситеся». Не тем ли более ныне прилично воззвать к нам: «Христос на небеси, возноситеся», – «вышних ищите».

Зачем Сын Божий приходил на землю? Затем, чтобы нас возвесть на небо. Он приходил поведать нам о нашем Отце небесном, которого мы, по падении своем, мало-по-малу почти вовсе забыли; поведать о нашем горнем отечестве, для которого мы созданы, указать путь к нему и возвестить нам все, что необходимо для достижения царствия небесного. Он приходил, чтобы своею крестною смертью примирить нас с Богом, которого мы бесконечно оскорбили нашими грехами, снова соделать нас сынами Его, братьями ангелов, достойными гражданами неба. Он приходил, чтобы разрушить на земле царство дьявола, заключавшее в себе всех, не ведавших Бога истинного, и всех грешников, и на место этого темного царства создать свое благодатное царство – Церковь, как несомненную руководительницу людей к вечной жизни.

Зачем Сын Божий вознесся ныне на небеса? За тем же, за чем нисходил Он на землю, т. е. чтобы нас возвесть на небо, – чтобы продолжить и докончить начатое Им на земле. На земле Он совершил за нас и для нас великое дело нашего искупления, которого никто другой не мог совершить. Оставалось, чтобы мы усвоили себе заслуги нашего Искупителя и облеклись в Него, чтобы мы действительно оправдались пред Богом, возродились, очистились от грехов и соделались святыми. А все это не иначе для нас возможно, как при содействии Святого Духа. И вот Господь наш вознесся на небеса с целью ниспослать нам Святого Духа со всеми Его благодатными дарами: «уне есть вам», говорил Господь ученикам, «да аз иду: аще бо не иду аз, Утешитель не приидет к вам: аще ли же иду, послю его к вам» (Иоан. 16, 7). Но мы, немощные, и по возрождении от Духа, и пользуясь Его благодатными дарами, можем падать и снова оскорблять Бога нашими грехами. И Искупитель наш "вниде" ныне «не в рукотворенная святая, но в самое небо, да явится лицу

Божью о нас» (Евр. 9, 24). Он возсел ныне «одесную Бога» Отца, чтобы «ходатайствовать о нас» (Рим. 8, 34). «Темже и спасти до конца может приходящих чрез него к Богу, всегда жив сый, во еже ходатайствовати о них» (Евр. 7, 25). На земле Сын Божий указал нам прямой путь к небу и даровал все средства идти по этому пути. Но самое небо оставалось еще заключенным для всех людей со времени их грехопадения. И Спаситель наш вознесся ныне на небеса в человеческом своем естестве, чтобы таким образом отверсть туда вход для всех своих последователей и явиться «предтечею о нас» (Евр. 6, 20): "иду", говорил Он, «уготовати место вам. И аще уготовлю место вам, паки прииду и поиму вы к себе: да идеже есмь аз, и вы будете» (Иоан. 14, 2–3). Чрез вознесение Господа все обители Отца небесного сделались для нас доступными и открытыми.

Повторяю: Сын Божий, вознесшийся ныне от земли на небо, для того и нисходил на землю, для того и вознесся на небо, чтобы нас возвесть туда же. Итак, «вышних ищите», братие мои, имеющие счастье носить имя христиан. Старайтесь пользоваться всеми средствами, какия Он даровал или указал нам для достижения горней отчизны: веруйте в Его Евангелие, надейтесь на Его обетования, исполняйте Его заповеди, притекайте к Его ходатайству, повинуйтесь Его св. Церкви, водитесь Духом Святым, живите, как прилично детям небесного Отца, – словомъ – будьте истинными христианами. Христианство есть прямой путь на небо.

«Вышних ищите», особенно вы, благочестивыя сестры о Господе! Есть различныя степени христианского совершенства: вы возжелали высших. Не забывайте же, что ваш долг исполнять не только все обязанности христианина, но и те высокие обеты, какия изрекли вы пред Богом. Есть и различныя степени небесных наград: и вас ожидают высокия награды, если только вы, с Божиею помощию, свято совершите путь, на который вступили. Аминь.

Слово в день Пресвятыя Троицы, сказанное в кафедральном соборе 11-го мая 1858 года.

«Благодать Господа нашего Иисуса Христа, и любви Бога и Отца и общение Святого Духа со всеми» (2Кор. 13, 13).

Прошел ровно год, как этими самыми апостольскими словами, в этот самый торжественный день, с этого священного места, я начал, братие, мои пастырския беседы с вами. И тогда, естественно желая всякого успеха моему начинавшемуся служению посреди вас, которое имеет целию ваше вечное спасение, я старался раскрыть пред вами истину, что для достижения спасения прежде и более всего необходима нам благодать Триипостасного Бога. Теперь, повторяя ту же важнейшую истину, я желал бы восполнить ее другою истиною, не менее важною, и таким образом закончить то, что начал тогда, – желал бы показать, что если, с одной стороны, в деле нашего спасения необходимо содействие нам Божие, то, с другой, столько же необходимо и наше собственное участие.

«Никтоже может прийти ко Мне, аще не Отец пославый Мя привлечет его» (Иоан. 6, 44), сказал Спаситель и тем выразил, что без помощи Божией мы не в состоянии даже обратиться к Нему, уверовать в Него. Два средства употребляет Господь для привлечения нас к Себе: средство внешнее – проповедь Евангелия, и средство внутреннее – невидимыя действия благодати непосредственно на наши души. Но оба эти средства, как ни могущественны, не в силах увлечь нас против нашей воли: чтобы внимать голосу Евангелия и благодати, чтобы не противиться им, покоряться им, следовать имъ – это зависит от нас. Всем народам проповедано было Евангелие еще вначале: а все ли уверовали во Христа? На всех людей простирается благодать Божия, призывающая к вере и спасению: а как мало таких, которые действительно отвечают на это благодатное призвание и к которым не относились бы слова Господа: «звах их, и не послушаша Мене: глаголах, и преслушаша, и сотвориша злое предо Мною, и, яже не хотех, избраша» (Ис. 66, 4)! Потому-то хотя вера называется в Писании «даром Божиим» (Ефес. 2, 8), но она вменяется и людям, как их заслуга, и Спаситель, посылая апостолов на всемирную проповедь Евангелия, сказал: «иже веру имет, спасен будет, а иже не имет веры, осужден будет» (Марк. 16, 16).

«Аще кто не родится водою и Духом, не может внити в царствие Божие» (Иоан. 3, 5); «аще не снете плоти Сына человеческого, ни пиете крови Его, живота не имате в себе» (Иоан. 6, 53): – вот еще изречения

Спасителя, которые показывают, как необходимо пользоваться нам св. таинствами Церкви, сообщающими нам разнообразные дары Св. Духа. Но из этих же самых слов очевидно, что мы можем и не пользоваться св. таинствами, можем не родиться водою и Духом, не вкушать плоти и крови Сына Божия. Кроме того, чтобы пользоваться св. таинствами, от нас требуются некоторые условия: например, при крещении требуются вера, отречение от диавола и всех дел его и обет сочетаться Христу, жить по Его воле; от приступающего к таинству евхаристии требуются предварительное очищение совести чрез искреннее покаяние во грехах пред отцем духовным, живая вера в Господа и величайшее благоговение к таинству. Но все такие условия мы можем и исполнять, и не исполнять, каждый по своей воле, или исполнять только отчасти, а не как следует, и следовательно можем пользоваться таинствами достойно и недостойно, иногда только во вред себе. Почему и заповедал св. апостол: «да искушает же человек себе, и тако от хлеба да яст, и от чаши да пиет. ядый бо и пийй недостойне, суд себе яст и пиет, не разсуждая тела Господня» (1Кор. 11, 28–29).

«Аз есмь лоза», сказал Спаситель, «вы же родие; и иже будет во Мне, и Аз в нем, той сотворит плод мног: яко без Мене не можете творити ничесоже» (Иоан. 15, 5). Из этих слов мы справедливо заключаем, что без «благодати Христовой» (Гал. 1, 6) мы не можем приносить плодов духовных, творить добрых дел. Но не Сам ли Спаситель сказал также: «аще кто хочет по Мне ити, да отвержется себе» (Матф. 16, 24); «аще хочещи внити в живот, соблюди заповеди» (Матф. 19, 17); «аще хочещи совершен быти, иди, продаждь имение твое, и даждь нищим: и имети имаша сокровище на небеси: и гряди в след Мене» (Матф. 19, 21)? Тут уже для совершения добрых дел требуются наше собственное желание и подвиги. Не сам ли Спаситель заповедал нам: «так да просветится свет ваш пред человеки, яко да видят ваша добрая дела» (Матф. 5, 16), называя наши добрая дела нашими, без сомнения, по нашему участию в них? Не ясно ли Он предвозвестил нам, что в день всеобщего суда каждый из нас получит "мзду" по трудам своим (Матф. 5, 12; 10, 42; 1Кор. 3, 8) и что праведники войдут тогда в царствие небесное именно за свои добрая дела (Матф. 25, 34–40)?

Вообще, братие, дело нашего нравственного исправления и освящения, без которого нам невозможно спастись, есть дело таинственное. В нем участвуют две силы: сила Божественная – благодать, и сила человеческая – наша свободная воля. Определить меру участия каждой из них, обозначить черту, где они соприкасаются между собою,

объяснить, как оне, соприкасаясь, не стесняют одна другую, – мы не в состоянии. Но то не подлежит сомнению, что обе оне равно необходимы в этом важнейшем для нас деле. Не престанем же молить Триипостасного Бога всегда, да ниспосылает Он нам «Божественныя силы, яже к животу и благочестию» (2Петр. 1, 3), а вместе не престанем и сами «обучать себе ко благочестию» (1Тим. 4, 7), «подвигом добрым подвизаться» (2Тим. 4, 7), и употреблять все усилия к исполнению заповедей Божиих, памятуя твердо, что если мы не можем спасти себя без Бога, то и Бог не может спасти нас без нас. Аминь.

Слово в день Воздвижения Честного и Животворящего Креста, произнесенное в Предтеченской церкви архиерейского дома 14 сентября 1857 года.

«Положи мя, яко печать на сердце твоём, яко печать на мышце твоей» (Песн. 8, 6).

С того времени, как только мы научились молиться, и каждый раз, когда мы молимся, мы привыкли воздвигать руки свои и осенять себя знамением св. креста, полагая его «яко печать» на челе своем, «яко печать» на сердце своем или персях, «яко печать» на своих мышцах. Это обычай всеобщий в православной Церкви, обычай всегдашний и самый древний: он несомненно ведет свое начало от времен св. апостолов. Но, употребляя всегда и везде при своей молитве крестное знамение, подумали ли мы хотя когда-нибудь, что за мысль лежит в основании этого благочестивого обычая и в чем его надлежащее употребление? По крайней мере, ныне в день воздвижения честного и животворящего креста Господня нам весьма прилично, братие, размыслить, с какою целию мы воздвигаем на себе св. крест, когда молимся, и как должны воздвигать его.

Что есть молитва? Это вообще беседа человека с Богом. Как же мы осмелились бы беседовать с Богом, – мы, существа малые и даже ничтожные – с Существом высочайшим, рабы и даже последние из рабов – с Владыкою неба и земли, Царем царствующих и Господом господствующих, а главное – грешники, иногда величайшие грешники – с Существом святейшим, – как осмелились бы мы беседовать с Богом, если бы не осеняли себя знамением св. креста? Только крест нашего Спасителя примирил нас с Богом и искупил нас от виновности за грехи (Кол. 1, 19–22); только крест уничтожил то разстояние, которое отделяло нас от Бога, и соделал нас близкими и "присными" Ему (Ефес. 2, 13, 19); только чрез крест мы прияли того «духа сыноположения, о немже» можем «вопийт: Авва, Отче» (Рим. 8, 15). Крестное знамение дает нам дерзновение и как бы право обращаться с молитвою к Богу.

Какое расположение души требуется при молитве? Чтобы достойно беседовать с Богом, мы должны удалить из души все греховное и нечистое и предстать пред Ним с святыми мыслями, желаниями и чувствами. Чем же скорее всего мы можем удалить из души своей греховные помыслы и пожелания, прогнать от себя самого духа злобы, всеяющего в нас эти

помыслы, как не знамением св. креста, которым побежден грех, побежден и диавол (Тит. 2, 14; Евр. 2, 14–15)? Чем скорее всего можем привлечь на себя всеосвящающую благодать, как не знамением св. креста, которым приобретены для нас все дары Св. Духа (Рим. 5, 15–17; 8, 32)? Крестное знамение может таким образом сообщать надлежащее настроение нашей душе, необходимое в молитве.

Какие предметы нашей молитвы? Иногда мы славословим Господа за Его безконечныя совершенства, иногда благодарим Его за безчисленныя благодеяния нам, иногда просим Его о своих нуждах. Но что значили бы пред Существом безпредельным наши скудныя славословия и благодарения, особенно истекающія из нашего нечистого сердца и от скверных устен, если бы не возвышались и не освящались они знамением св. креста? Что значили бы наши моления, наши вопли к Отцу небесному, если бы возносились они не "во имя" едиnorodного Сына Его, нашего Искупителя, не под знамением Его креста (Иоан. 14, 14)? Только крестом избавлены мы от всех тех бедствий, духовных и телесных, о избавлении от которых мы молимся; только крестом приобретены нам все те блага, духовныя и телесныя, которых мы испрашиваем себе от Бога. Крестное знамение дает достоинство и силу нашей молитве.

Как же мы должны воздвигать на себе знамение св. креста, чтобы оно могло оказывать для нас свои спасительныя действия?

Прежде всего, мы должны воздвигать его с живою верою. Крестное знамение само по себе есть внешний знак, который может получать значение только от внутренняго смысла, какой мы с ним соединяем. И если мы не будем изображать на себе это знамение с верою во Христа Спасителя, умершего за нас на кресте, с верою и в благодатную силу самого креста Господня – орудия нашего спасения: в таком случае наше крестное знамение, сколько бы мы ни возлагали его на себе, будет лишено христианскаго смысла и останется неугодным Богу: «без веры невозможно угодити Богу» (Евр. 11, 6).

Должно, во-вторых, начертывать на себе знамение св. креста, по заповеди православной Церкви, соединением трех первых перстов правой руки во имя Пресвятой единосущной Троицы. Когда мы начертываем на себе св. крест тремя перстами вместе: тогда самым сочетанием перстов мы выражаем то же, что нередко выражаем и устами при осенении себя крестным знамением, говоря: во имя Отца, и Сына, и Св. Духа, – и следовательно самым сочетанием перстов исповедуем веру в Триипостаснаго Бога, которая прежде всего требуется от нас, как вообще в деле нашего спасения, так, в частности, и при употреблении крестного

знамения. С другой стороны, этот обычай знаменаться тремя перстами потому еще достоин всего нашего уважения, что он всегда и везде употреблялся в православной Церкви, не только у нас в России, но и в Греции, Сирии, Палестине, Египте, Грузии, Болгарии и других странах мира, а не есть обычай новый и частный, каков обычай знаменаться двумя перстами, существующий у наших мнимых старообрядцев.

Наконец, должно возлагать на себе знамение св. креста так, чтобы действительно начертывался на нас св. крест, – и чтобы этот крест, по наставлению св. Церкви, верхним концом своим касался нашего чела, нижнимъ – нашей груди или персей, боковыми – наших мышц. Иначе, если в нашем крестном знамении не будет собственно креста: как и ожидать от него спасительных действий? Полагая на себе знамение св. креста во время молитвы и запечатлевая им свое "чело", "грудь" и "рамена", мы тем самым освящаем и как бы посвящаем и приносим в жертву Господу наш "ум" с его мыслями и познаниями, наше "сердце" с его чувствованиями и желаниями, и наши силы душевные и телесные с их деятельностью. А посему как не разсудительно поступают те христиане, к сожалению, весьма многие, которые творят на себе крестное знамение с такою невнимательностью, поспешностью и небрежностью, что вовсе не начертывают на себе св. креста, а представляют движением своей руки как будто какую-то детскую забаву, лишенную всякого смысла!

Понятно ли теперь, братие, что употребление нами крестного знамения при молитве есть одно из самых важных и таинственных священнодействий, которое св. Церковь предоставила совершать всякому верующему? Оно дает нам дерзновение обращаться с молитвою к Богу; оно настраивает нашу душу к молитве; оно сообщает силу и действенность нашим молитвам, словом: оно делает нашу молитву истинно-христианскою. Научимся же отселе быть внимательными к крестному знамению, которое на себе возлагаем, и будем возлагать его не только с живою верою, но и с величайшим благоговением, какое подобает священнодействию, – возлагать именно так, как заповедует нам св. Церковь. Аминь.

Речь в день Благовещения Пресвятыя Богородицы, сказанная в Предтеченской церкви архиерейского дома 25 марта 1858 года.

«Днесь спасения нашего главизна и еже от века таинства явление: Сын Божий, сын Девы бывает!»

Созерцая верою великое таинство, ныне явленное, – таинство воплощения Сына Божия, не знаешь, братие, чему более удивляться: тому ли, до какой степени истощил, умалил Себя Богъ, приняв зрак раба, соделавшись человеком (Флп. 2, 7); или тому, до какой степени возвысилась человеческая природа чрез это истощание Божества.

Она изумительно возвысилась прежде всего в лице самого воплотившагося Господа. Сын Божий принял на Себя человеческое естество навсегда, и принял в единство своей Божеской ипостаси, так что хотя в Нем ныне два естества – Божеское и человеческое, но они соединены в Нем нераздельно и составляют одно лице, одну ипостась Божескую. Он и по воплощении и в естестве человеческом есть все тот же единый истинный Сын Божий и истинный Бог, каким был до воплощения. Вследствие такого ипостаснаго соединения во Христе двух естеств, человечество в Нем приобщилось Божеству и обожилось, т. е., усвоило от Божества все, что способно было усвоить, не теряя свой ограниченности и человеческих свойств, обогатилось от Божества и премудростию и святостию и животворною силою и другими Божественными совершенствами. Вслед за тем обожненное в лице Господа Иисуса человечество соделалось в Нем причастным и Божеской славы и Божеского поклонения. Ныне Он возседит на престоле славы одесную Бога Отца в своем человеческом естестве; ныне Ему уже во плоти «дадеся всяка власть на небеси и на земли» (Матф. 28, 18); ныне Ему и в человеческом естестве поклоняется, как Богу, «всяко колено небесных и земных и преисподних» (Флп. 2, 10). Что ж, скажите, может быть выше того, чего удостоилась во Христе наша человеческая природа?

Если не до такой, то все же до изумительной степени возвысилась наша природа и в лице Пресвятой Девы Марии, родившей Господа. Она родила Его, без сомнения, не по Божеству, а по человечеству. Но так как человечество во Христе с самой минуты Его зачатия нераздельно и неразлучно соединилось с Божеством в одну Божескую Его ипостась: то

значит, что Пресвятая Дева и зачала, и носила во утробе, и родила истинного Сына Божия, истинного Бога. Следовательно есть воистину Богородица. А удостоившись быть Материю Господа, Творца всего существующаго, Она естественно возвысилась чрез то над всеми Его созданиями не только земными, но и небесными, и по достоинству исповедуется честнейшею даже херувим, и славнейшею, без сравнения, серафим, т. е., самых высших сотворенных духов. Она есть первая по Боге, есть Царица неба и земли!

Если не до такой, то все же до изумительной степени может возвышаться человеческая природа и в каждом из людей, которые только веруют в воплотившагося Сына Божия. Тогда как одна из дочерей человеческих удостоилась быть Материю Господа, все мы, верующие в Него, удостоиваемся быть братьями Его, сынами Отца Его небеснаго, причастниками Святого Духа. В таинстве крещения мы рождаемся от Бога, облакаемся во Христа. Чрез таинство миропомазания приемлем в себя Духа Святаго. Чрез таинство евхаристии приискренне соединяемся со Христом, так что Он в нас пребывает, а мы в Нем (Иоан. 4, 15). И если после этого мы живем благочестиво, по-христиански: то мы более и более воображаем в себе Христа (Гал. 4, 19) и не ктому живем мы, а живет в нас Христос (Гал. 2, 20). Но, «возлюбленнии», скажем со св. апостолом, «ныне чада Божия есмы» и только братья единокровного Сына Божия, и «не у явися, что будем: вемы же, яко, егда явится, подобни Ему будем» (1Иоан. 3, 2, 5). Вемы, что мы соделаемся тогда «наследниками Богу, сонаследниками же Христу» (Рим. 8, 17), что мы «воцаримся с Ним» (2Тим. 2, 12) и совозсядем с ним на престоле славы Его (Апок. 3, 21).

Присовокуплять ли, братие, нравственное наставление? Оно всякому очевидно. Если до такой степени возвысилась наша природа в лице воплотившагося ныне Господа и Его пречистой Матери и может возвышаться в каждом из нас: то научимся уважать свою природу и вести себя сообразно с ея высоким достоинством. Будем твердо помнить, что она действительно возвышается в одних праведниках, истинных христианах, чрез их благочестие, а в грешниках только более и более унижается, и тогда как первые, восходя по степеням нравственных совершенств, взойдут наконец на небо, чтобы там царствовать со Христом, последние, постепенно ниспадая, ниспадут наконец в бездну ада, чтобы там вечно мучиться с диаволом. Аминь.

Слово в день Успения Пресвятыя Богородицы, произнесенное в Саровской пустыни 15 августа 1857 года.

День смерти человека обыкновенно бывает днем глубокой скорби и сетования. Скорбит умирающий, разлучаясь с жизнью и со всем, что было дорого в жизни. Скорбят и сетуют окружающие его, прощаясь с тем, кого знали, кого любили и, может быть, вспоминая и о своей неизбежной участи – некогда умереть. А ныне, что мы видим? Ныне – день смерти или успения Пресвятыя Девы Богородицы – служит предметом величайшаго и радостнейшаго торжества. Торжествует Она – преблагословенная в женах: днем успения окончился для Нея период тяжких земных страданий, когда самую "душу" Ея прошло "оружие" (Лук. 2, 35), окончилось время разлуки Ея с возлюбленным Ея Сыном и Господом; отныне Она входит в славу свою на небеси, какой от века не удостоивался никто из сотворенных, – в славу Божией Матери; отныне Она снова будет зреть своего Божественного Сына лицом к лицу, зреть непрестанно, и уже не в крайнем унижении, не на кресте, а во всем величии Божества, на горнем престоле, одесную Бога Отца. Торжествует и весь мир, горний и дольний. Горний встречает Ту, которой доселе только издали дивился, которая соделалась честнейшею херувим и славнейшею без сравнения серафим, а отныне соделается Царицею неба и земли. Дольний провождает Ее с радостнейшим упованием, что «во успении» своем Она не оставит "мира" земного, напротив, вознесшись на небеса, получит еще бо́льшую возможность видеть наши нужды, слышать наши молитвы, и бо́льшее дерзновение и силу ходатайствовать пред своим Сыном и Богом о всех земнородных.

Ах, кто из нас не пожелал бы, братие, чтобы день и нашей смерти походил на день успения Богоматери, был днем не скорби, а радости и торжества! Но для того, чтобы уподобиться Богоматери в смерти, надобно прежде уподобиться Ей в жизни, надобно подражать Ей.

И, прежде всего, старайтесь подражать Ей вы, скромные иноки, насельники благочестивой пустыни! Жизнь Богоматери вам первым представляет достойнейший образец. Вы покинули мир, родных и все, что имели в мире, вы пришли в эту пустыню, чтобы здесь всецело посвятить себя Господу, ежедневно посещать Его святой храм, подвизаться в посте, бдении, молитвах. Идите же твердо избранным вами путем, памятуя

постоянно, как Пресвятая Дева еще с четырехлетнего возраста оставила мир и кров родительский, с четырехлетнего возраста поселилась при иерусалимском храме и там, в совершенном уединении, проводила дни свои в едином служении Богу, в посещении Его св. храма и молитвах, в чтении священных книг, богомыслии и других святых занятиях. При вступлении в обитель вы дали обет девства и целомудрия, телесного и духовного: этот самый обет еще прежде вас изрекла и Она – Пречистая, – и знаете, с какою точностью сохранила его во всю свою жизнь! Вы дали обет смирения и совершенного послушания: до какой степени простиралось Ея смирение, видно из того, что даже в минуты благовестия Ей ангела о зачатии от Нея самого Сына Божия, Она изрекла: «се раба Господня, буди мне по глаголу твоему», и даже по зачатии Богочеловека, славословила Господа единственно за то, «яко призре на смирение рабы своея» (Лук. 1, 38. 46–55). Вы дали обет нестяжательности и добровольной нищеты: среди нищеты, не имея ничего собственного, воспитывалась Пресвятая Дева при храме иерусалимском для своего высокого предназначения; среди совершенной нищеты родила Сына своего первенца и положила Его в яслях; среди нищеты и всякого рода лишений и скорбей провела Она и все время Его общественного служения, а после Его крестной смерти, "поят ю", как безприютную, св. Иоанн «в дом свой» (Иоан. 19, 27). Таким образом, еще до начала иночества в мире христианском Пресвятая Дева Богородица освятила этот род жизни своим собственным примером и указала всем нам путь самого высокого и строгого подвижничества.

Но не одни иноки и пустынники обязаны подражать Пресвятой Богородице. Ей можете и должны подражать и все вы, православные христиане! Пусть вы не налагали на себя добровольного обета отказаться от мира и поселиться в уединении; но все вы обязаны, как христиане, и живя посреди мира, «не любить мира ни яже в мире» (1Иоан. 2, 15), не привязываться к нему душою, не гоняться за его суетными благами и удовольствиями. Пусть вы не давали обета соблюсти свое девство и остаться навсегда в безбрачном состоянии; но на всех вас лежит долг сохранять себя в целомудрии и чистоте, как до брака, так и в самом браке и после брака (1Кор. 6, 18; 7, 4; 1Сол. 4, 3–5), сохранять себя даже от сладострастных мыслей, желаний, воззрений (Матф. 5, 28). Не связывали вы себя и обетом совершенного отречения от собственной воли, безусловного повиновения и смирения; но ко всем вам относятся слова Спасителя: «иже хочет по мне ити, да отвержется себе» (Матф. 16, 24; Марк. 8, 34; Лук. 9, 23); «всяк возносяйся смирится, смиряяй же себе

вознесется» (Лук. 18, 14); «блажени нищии духом, яко тех есть царствие небесное» (Матф. 5, 3). Не произносили вы и обета совершенной нестяжательности и нищеты; но вы знаете, что «сребролюбие есть корень всех зол» (1Тим. 6, 10), которых вообще должны бегать христиане, что «лихоимание есть идолослужение» (Кол. 3, 5), которое решительно запрещено в христианстве, и что всем вам сказано: «богатство аще и течет, не прилагайте сердца» (Псал. 61, 11). Одним словом, все вы, братие, обязаны соблюдать закон евангельский, жить по-христиански; а живя по евангельскому закону, вы и будете подражать Пресвятой Деве Богородице, которая исполнила этот закон во всей силе еще прежде, нежели он преподан был миру Ея Божественным Сыном.

Если, таким образом, каждый из нас будет жить, как следует, если иноки будут соблюдать обеты своего иночества, а все христиане обеты своего крещения и христианские обязанности: то, будьте уверены, что и для нас день смерти соделается днем радости и торжества. С радостью мы оставим мир, полный греха и бедствий, и отойдем в другой мир, к которому постоянно стремились. С радостью проводят нас наши ближние, бывшие свидетелями нашей благочестивой жизни и нашей святой кончины. С радостью и любовью встретят нас на небеси праведники, ангелы, сама Царица небесная, сам Господь Бог. Да сподобит Он всех нас такого блаженного успения, молитвами Пресвятыя Богородицы! Аминь.

Слово в день Казанския Божия Матери, сказанное в Предтеченской церкви архиерейского дома 22 октября 1857 года.

«Взбранной воеводе победительная, яко избавльшеся от злых благодарственная восписуем Ти раби Твои, Богородице!»

Ныне не словом только, а самым деломъ – нарочитым торжеством св. Церковь и отечество наше восписуют благодарственная Пресвятой Богородице, как взбранной воеводе и победительнице, избавившей нас от злых в начале семнадцатого столетия. Страшное то было время для православной России. Род Рюрика, благочестивый род, царствовавший столько веков, пресекался на престоле русском; попытки возвести на этот престол кого-либо из соотечественников остались безуспешными; появившиеся самозванцы потрясли государство до последних оснований и угрожали самому его православию; внутри отечества господствовали распри, нестроения, междоусобия; внешние враги – шведы и поляки вступили с своими полчищами в пределы России и опустошали ея страны. Тогда некоторые из русских решились-было призвать на престол отечественный польского королевича Владислава с условием, чтобы он переменял латинство на православие. Имя Владислава, под этим условием, уже поминалось в православных церквях... Но отец его, король польский, думал иначе: он надеялся покорить себе Россию оружием и сам соделаться ея царем, ни мало не изменяя своей вере; войска польския овладели уже Москвою... Кто-ж спасет тебя, бедствующая Россия, в эту тяжкую годину? Не было спасения на земле, – оно подано свыше. Предки наши, по благословению пастырей, наложили на себя трехдневный пост и обратились с молитвою к Богу. И вот в одну ночь к одному благочестивому иерарху греческому, по имени Арсению, проживавшему в Москве, в плену у поляков, явился преподобный Сергей Радонежский и сказал, что молитва угодников русских о своем отечестве услышана, и что Бог, по ходатайству в особенности Пресвятой Богородицы, избавит Москву от врагов. Эта весть быстро разнеслась по всему войску русскому, осаждавшему столицу, и оно, воодушевленное надеждою на помощь взбранной Воеводы, сделало нападение на врагов, изгнало их из Москвы и спасло Церковь и отечество от угрожавших им опасностей. Когда, вслед за тем, положено было принести торжественное благодарение Господу, и народ вместе с войском вступали в Кремль: на встречу им вышел

маститый иерарх Арсений, неся в руках чудотворную икону Божия Матери Казанския, – и все пали пред нею на колени в слезах и единогласно приписали ей свое избавление от врагов. В память этого-то достопамятного события и установлен настоящий праздник.

Таким образом, настоящий праздник напоминает собою одно из тех многочисленных событий, когда Пресвятая Богородица, по молитвам наших предков, избавляла их от врагов... Братие! Вспомним, что и у каждого из нас, как христианина, есть свои враги – враги спасения, и научимся, по примеру предков, искать себе помощи против этих врагов и избавления от них у Царицы небесной.

Первый враг нашего спасения есть наша собственная плоть, или точнее – наше естество, низвращенное грехом (Гал. 5, 16). Полчища, какия враг этот высылает против нас, суть наши собственные страсти и вообще влечения ко злу: они воюют и против "закона" нашего "ума" – против тех остатков добра, какие еще сохранились в нашей природе, и против нового благодатного закона, принятого и усвоенного нами со времени крещения (Рим. 7, 14–23). Иногда они силятся подорвать нашу веру, иногда поколебать нашу надежду, иногда погасить нашу любовь к Богу и ближним, и всегда стараются лишить нас какой-либо добродетели и причинить смерть нашей душе. Ибо всякая страсть, коль скоро мы уступаем ей, а тем более когда она делается господствующею в нас, непременно умерщвляет нашу душу, увлекая ее ко грехам, и похищает у нас противоположные нравственные совершенства, если мы их имели. Борьба с этими врагами тем более опасна, что они суть враги наши домашние, и часто достигает до такой степени, что мы решительно не в состоянии бываем противустоять им. О, в эти тяжкия минуты, когда бездна готова разверзнуться пред вами и поглотить вас, спешите, христиане, взывать из глубины души к Пресвятой Деве: Мати Божия, помоги нам! Взбранная Воеводо! Порази наших врагов, не дай нам пасть под бременем страстей, не дай соделаться их рабами и потерять «свободу славы чад Божиих» (Рим. 8, 21).

Второй враг нашего спасения есть мир, – не тот прекрасный мир, который создан Богом и отражает в себе Его безконечныя совершенства, а мир собственно людской, низвращенный грехами человеческими (Матф. 10, 22). Здесь на каждом шагу мы встречаем опасности для своего спасения. Опасности – от этих разнообразных благ житейских, которыя возбуждают и питают наши страсти; – от этих порочных удовольствий, приманок и соблазнов; – от нравов и обычаев общества, которые иногда трудно, а иногда почти невозможно совместить с требованиями

христианства. Опасности – и от бедствий жизни, безчисленных и разнообразных, болезней, неудач, лишений и всякого рода скорбей, которые нередко в состоянии поколебать самую твердую душу и увлечь ее к порокам. Опасности, наконец, – от злых людей, которые стараются действовать против благочестивых и соблазнительным примером собственной жизни, и своими ядовитыми для нравственности беседами и нередко еще более ядовитыми сочинениями, а иногда употребляют против добродетели клевету, презрение, даже гонения (2Тим. 3, 12). Души христианския, стремящиеся к горней отчизне! Плывая по этому житейскому морю, воздвигаемому непрестанно бурею напастей и искушений, чаще – чаще взывайте о помощи к Царице небесной, да сохранит Она вас, своим всемогущим ходатайством пред Богом, от крушений и потопления, да наставит вас, как бороться с разъяренными волнами, как пройти мимо подводных камней, и да приведет вашу утлую ладью к тихому пристанищу вечности.

Третий и последний враг нашего спасения, или вернее – первый и последний – есть диавол, который, по выражению Писания, «яко лев рыкая ходит, иский кого поглотити» (1Петр. 5, 8–9). Он, как дух, действует на нас невидимо, духовно. Действует непосредственно на нашу душу и, замечая ее слабые стороны, пользуется ими, чтобы влгать в нее худыя мысли, желания и чувствования, в особенности же старается возбуждать наше воображение разными греховными мечтами и соблазнительными картинками, и чрез воображение возбуждает и воспламеняет наши страсти (Иоан. 13, 2; Деян. 5, 3). В то же время и точно таким же образом лукавый действует и на души окружающих нас ближних, а чрез них употребляет против нас уже и все внешния, видимыя средства, какия только могут находиться во власти людей, чтобы искушать нашу веру и благочестие и увлекать нас к порокам (Апок. 2, 10). О, если в какой борьбе, то особенно в борьбе с «духами злобы поднебесными» нам необходима помощь небесная! Эти враги и сильнее нас, и хитрее, и искуснее. Если когда, то особенно в минуты этой борьбы мы должны призывать взбранную Воеводу, да наставит Она нас проразумевать «умышления» сатаны (2Кор. 2, 11), да укрепит нас противустоять «кознем диавольским» и да подаст нам средства «вся стрелы лукавого разжженныя угасити» (Ефес. 6, 11. 16).

Вообще же, братие, напечатлеем глубже в нашем уме и сердце ту отрадную истину, что Пресвятая Дева – Богородица, столько раз избавлявшая предков наших от врагов, всегда готова оказать и каждому из нас такую же помощь, если только мы будем прибегать к ней с теплою молитвою. Кто бы ни явился в известное время нашим врагом, – плоть ли с

ея страстями и похотьми, мир ли с его безчисленными соблазнами, диавол ли с его духовными искушениями: важно то, что все это суть враги нашего спасения. А Пресвятая Дева, как Мать нашего Спасителя, без сомнения, всего более желает каждому из нас вечного спасения. Если Она избавляла предков наших и от таких врагов, которые угрожали одному внешнему их благосостоянию: не тем ли скорее подвигнется Она для избавления нас от врагов, угрожающих погубить самые души наши в геенне огненной. Аминь.

Слово в день архистратига Михаила и прочих безплотных сил, сказанное в Предтеченской церкви архиерейского дома 8-го ноября 1857 года.

«Тем создана быша всяческая, яже на небеси и яже на земли, видимая и невидимая, аще престолы, аще господствия, аще начала, аще власти» (Кол. 1, 16).

Мы живем в мире вещественном, мы принадлежим к нему целою половиною нашего существа. Но вместе мы отчасти и ныне живем, а вполне будем жить по смерти, в мире невидимом, духовном, к которому также принадлежим целою половиною нашего существа. Мало мы знаем и вещественный мир, хотя и стараемся изучать его и имеем все средства к тому; еще менее, несравненно менее мы знаем мир духовный, который как бы закрыт от нас непроницаемою завесою. Только откровение немного приподняло для нас эту завесу и дало нам возможность несколько прозревать в тайны небесного мира. Воспользуемся же, братие, ныне, когда мы празднуем в честь небесных сил, воспользуемся этою помощью Божественного откровения и постараемся хотя кратко, хотя в некоторой степени, решить важнейшие вопросы касательно духовного мира.

Что такое – мир духовный?

Он совершенно не похож на мир, нас окружающий. Здесь мы видим царство мертвой материи, в котором действуют только механические силы; видим и живущия существа, но неодушевленные; видим и одушевленные существа, но неразумные; видим одно существо и разумное – человека, но облеченное грубою плотью. В духовном мире – совсем другое. Его составляют ангелы -существа чисто-духовные (Евр. 1, 14), которые не имеют «плоти и кости» (Лук. 24, 39), «ни женятся, ни посягают» (Матф. 22, 30) и даже умирать не могут (Лук. 20, 35). Они одарены разумом и свободой, выну видят лице Отца небесного (Матф. 18, 10), славословят Его (Ис. 6, 3) и исполняют Его святую волю (Псал. 102, 20). Они и по естественным силам совершеннее человека, который, по выражению Псалмопевца, «умален от ангел», хотя и "малым чим" (Псал. 8, 6), а еще более превосходят его в нравственном отношении: ибо до того уже утвердились в добре, что и согрешать не могут и навсегда останутся "святыми" (Матф. 25, 31). Таков этот мир, – мир, чуждый всякой вещественности, мир разума и свободы, мир, чистый от всякой греховности!

Как велик и обширен духовный мир?

Мы нередко изумляемся громадности мира вещественного. Новейшая наука, при помощи увеличительного стекла, открыла, что эти светящиеся точки, которые мы называем звездами, суть величайшие небесные тела; что каждая из них огромностью своею в несколько крат превосходит нашу планету; что эти безчисленные громады разстоят и от земли и одна от другой на поразительные разстояния и что, чем далее проникает вооруженный глаз в пространства небесные, тем более и более открываются новые массы веществ, так что вещественному миру как бы не представляется ни конца, ни предела. Но, братие, не менее, а, может быть, даже гораздо более велик и обширен и мир духовный. Те, которые удостоивались быть восхищенными в этот мир, свидетельствуют, что «тысяща тысящ» ангелов окружают престол Вседержителя и "тьмы тем" престолят Ему (Дан. 7, 10; Апок. 5, 11). Самое слабое понятие о числе небесных сил мы можем составить на основании притчи Спасителя о человеке, который, имея сто овец, оставляет в пустыне девяносто девять незаблудших, а «идет в след» одной «погибшая, дондеже обрящет ю» (Матф. 18, 12; Лук. 15, 5). Этот добрый пастырь, по изъяснению св. отцев Церкви, есть сам Сын Божий, сошедший с неба на землю; эти девяносто девять овец незаблудших суть – чины ангельские; эта одна овца заблудшая есть весь род человеческий. Представьте ж как велик весь род человеческий, соедините вместе всех людей, какие только жили, живут и будут жить на земле в продолжение целых тысячелетий от первого человека согрешившего до самой кончины мира, – и вообразите, что все эти миллионы миллионов существ составляют приблизительно едва одну сотую часть сравнительно с миром добрых ангелов.

Какое устройство мира духовного?

Мы видим на земле, что люди – существа разумные живут не в отдельности друг от друга, а образуют общества, государства, что в этих обществах они разделяются на классы и сословия, что сам Бог поставляет над ними царей, народоправителей и прочие низшие власти, которым все граждане обязываются повиноваться, и таким образом стройно и в порядке течет общественная жизнь для достижения последних целей человечества. То же самое только в совершеннейшем виде, существует и в мире духовном. И там Господь Бог, хотя царствует сам непосредственно, учредил священноначалие или иерархию, разделив всех ангелов на три чина и подразделив на девять классов или ликов; и там есть высшие, средние и низшие, есть начальствующие и подчиненные, руководствующие и руководимые. Самый высший, ближайший к Богу, чин составляют три лика: серафимы, херувимы, престолы; средний чин – другие три лика: силы, господства, власти; низший – еще три лика: начала, архангелы, ангелы. Высшие священноначальствуют над средними, средние служат руководителями и тайноводцами для низших. По всему этому мир ангельский представляет собою самое обширное и самое благоустроенное царство, которое называется царством славы.

Где находится духовный мир?

"На небеси", отвечает Слово Божие (Матф. 22, 30). Какое же это небо? Разумеется, не то, которое мы видим. Пусть ученые предполагают, что на звездах и вообще на телах небесных, образующих собою целые огромные миры, должны быть жители. Если и есть такие жители: то это, без сомнения, не ангелы. На телах могут обитать только существа, облеченные плотию; а ангелы суть духи безплотные. Нет, есть небо иное, высшее, вне мира вещественного и за пределами его есть небо чисто-духовное, которого мы ныне, по ограниченности своей, и представить себе не можем, куда восхищен был св. апостол Павел и где слышал он глаголы неизреченные, «ихже не леть есть человеку глаголати» (2Кор. 12, 4). Там-то обитает Господь Бог, «Отец духов» (Евр. 12, 9) во всей славе своей, там обитают безплотные ангелы, туда возносятся и все праведныя человеческия души. Но мы веруем, что Господь Бог, как безпредельный, присутствует и во всем мире вещественном, присутствует и на земле, особенно во святых храмах своих; веруем, что Он многократно посылал и посылает ангелов своих на землю, что многие из них как бы постоянно, неотлучно живут на земле, при людях, которым служат ангелами-хранителями. Следовательно существуют и посреди мира вещественного какия-то духовныя пространства, в которых пребывает Господь Бог, чрез которыя переносятся к нам и в которых обитают вокруг нас безплотные духи.

Какое отношение мира духовного к вещественному и к нам?

Об отношении духовного мира к вещественному есть только слабые намеки у тайнозрителя нового завета, св. Иоанна Богослова. Он упоминает об ангеле, который имеет власть над стихиею огня (Апок. 15, 18), об ангеле "водном", которому дана власть над водою (Апок. 16, 5), и о четырех ангелах, держащих «четыре ветры земския» (Апок. 7, 1). Откуда и заключали св. отцы, что Всевышний поручает ангелам в управление части и стихии мира видимаго. Но об отношении ангельского мира собственно к человеческому роду говорится в Слове Божиим более и подробнее. Употребляя все возможные средства для избавления нас от греха и его губительных следствий, Всеблагий восхотел, чтобы сами ангелы соделались «служебными духами, в служение посылаемыми за желающих наследовати спасение» (Евр. 1, 14). С этою целию каждому из верующих, со времени крещения его, дается свой, особый ангел-хранитель, который бывает пестуном его в продолжение всей жизни (Матф. 18, 10). С этою же целию даются ангелы-хранители и целым церквам или обществам верующих, чтобы устроить их духовное благо и руководить их к вечной жизни (Апок. 1, 20) и – целым царствам и народам, чтобы не только содействовать их внешнему благосостоянию, но и вести их к свету Христову и утверждать «во всяком благочестии и чистоте» (Дан. 10, 13. 14. 20. 21). Вообще же ангелы Божии наставляют нас на путь истины и правды (4Цар. 1, 3), возносят наши молитвы к Богу и предстательствуют за нас (Матф. 18, 10; Тов. 12, 15–20), охраняют наши души и тела от врагов видимых и невидимых во время бодрствования и сна, и сопутствуют душам человеческим при переходе их в вечность (Лук. 16, 22). Таким образом мир духовный находится в самом тесном, ближайшем соотношении к человеческому роду: Господь употребляет ангелов, как живые орудия своего отеческого промысления о нас – грешных.

Какое, наконец, должно быть наше отношение к миру духовному?

Это уже отчасти выражается настоящим нашим торжеством в честь архистратига Михаила и прочих безплотных сил. Мы должны чтить ангелов, как существа, совершеннейшие нас и по природе и по нравственным совершенствам, как верных слуг Вседержителя, поставленных к Нему в особенной близости. Мы должны призывать ангелов в своих молитвах, как наших хранителей и благодетелей, как наших предстателей пред Богом и благодарить за все их попечения о нас. Мы должны подражать ангелам в святости, как нашим старшим братьям, и заботиться о том, чтобы и на земле исполнялась воля Отца нашего небесного, как она исполняется на небеси. В частности каждый из нас должен стараться, чтобы придти в ближайшее общение с своим ангелом-хранителем, чтобы понимать его благия внушения, открывать ему свои нужды, пользоваться его невидимою помощью, не огорчать его своими грехами, напротив радовать его и воздавать ему за все его заботы о нас добрыми делами и постоянным преуспеянием в благочестивой жизни. Такое отношение наше к духам безплотным, без сомнения, будет угодно и им самим и общему нашему Владыке и Отцу. Аминь.

Слово в день св. пророка Илии, произнесенное в Вознесенском, тамбовском, женском монастыре 20 июля 1857 года.

«Горняя мудрствуйте, а не земная» (Кол. 3, 2).

Жизнь св. славного пророка Илии весьма богата самыми чудными событиями и в высшей степени назидательными. Но одна черта в этой жизни, почти не встречающаяся в жизни других, останавливает на себе особенное внимание: – та черта, что дивный пророк вовсе не вкусил телесной смерти, а вместе с телом прямо взят от земли на небо. С первого взгляда тут не представляется нам ничего для подражания: потому что не от нас зависит вознестись на небо вслед за пророком. Но если вникнем в смысл и причину этого необычайного события: то найдем для себя важнейший и поучительнейший урок.

Братие! Св. Илия взят живой на небо, но еще прежде, нежели он вознесся туда самою плотию, он постоянно возносился туда душою; св. Илия потому, без сомнения, и удостоился вознестись на небо плотию, что в продолжение всей своей земной жизни с величайшею ревностью стремился туда душою, «горняя мудрствовал, а не земная». Так и мы, если желаем вселиться на небе сперва душами своими, по смерти тел, а потом и телами, по воскресении их, должны постоянно и неослабно, живя на земле, «мудрствовать горняя, а не земная».

Кто мудрствует горняя? Тот, у кого и ум, и воля и сердце заняты только горним: кто о горнем помышляет, горняго желает, в горнему стремится; кто твердо помнит, что отечество наше на небесах (Евр. 11, 14), что настоящая жизнь есть только школа, где мы должны приготовиться для вечности и стараться воспользоваться всеми средствами, какия дал нам Бог для такого приготовления; кто заботится исполнять волю Божию и на земли, как она исполняется на небеси; кто всем своим существом и всею деятельностью «вышних ищет, идеже есть Христос одесную Бога сидя» (Кол. 3, 1). Если так: то не очевидно ли, что этот человек идет вперед и идет именно к небу? Он постепенно как бы отрешается от земли, разрывая одну за другою все нити, привязывающие грешника в земле, «умерщвляя уды» свои, «яже на земли, блуд, нечистоту, страсть, похоть злую, лихоимание» и проч. (Кол. 3, 5). Он постепенно возвышается душою своею над телом, «распиная плоть свою со страстями и похотями» (Гал. 5, 24), и таким образом ослабляя, утончая, как бы одухотворяя самую плоть. Он

постепенно возвышается душою своею по лестнице нравственных совершенств, которая верхним концем достигает неба. Он постепенно очищает, возвышает свою душу в самом ее существе, делает ее ангелоподобною и богоподобною. Какой же всему этому должен быть естественный исход? Когда придет смерть и разрешит душу от тела, прервав последнюю нить, удерживавшую ее на земле: куда устремится эта душа, как не на небо, к которому стремилась она в продолжение всей жизни, к которому уже так приблизилась и приготовилась, с которым так сроднилась? А когда, наконец, по воле Божией, возстанут из гробов мертвецы, «да примет кийждо, яже с телом содела, или блага или зла» (2Кор. 5, 10): куда отойдет и это тело, воскресшее и обновленное, как не на небо же, чтобы разделить вместе с душою своею ее радости и вечное блаженство?

Кто мудрствует земная? Тот, кто живет только для земли; кто и телом, и душою, и мыслями, и желаниями, и действиями постоянно вращается в вихре земной суеты; кто «любит мир и яже в мире – похоть плоти, похоть очес и гордость житейскую» (1Иоан. 2, 16); кто печется о приобретении благ земных и прилагает к ним свое сердце, предается чувственным удовольствиям, пристращается к земным почестям и отличиям. А такой человек идет ли к небу? Напротив, чем более он живет, тем более и более привязывается к земле. Возвышается ли душою своею над телом? Напротив, поработывает душу телу и постепенно подавляет ее, так что иногда она делается почти вовсе незаметною: «не имать дух Мой обитати в человецех сих», сказал некогда Господь о подобных людях, «зане суть плоть» (Быт. 6, 3). Восходит ли по лестнице добродетелей? Напротив, нисходит по лестнице греха и порока. Очищает ли, облагораживает ли свою душу? Напротив, более и более огрубляет, оземляет ее, заглушая в ней все высшие ее потребности. Куда же придет он по окончании настоящей жизни? Туда, без сомнения, куда шел в продолжение жизни: душа его, по силе нравственного тяготения, естественно устремится во глубину ада. А когда, в день воскресения, снова соединится с своим телом: то неизбежно повлечет и его за собою в туже неисходную бездну.

Обращаюсь здесь в особенности к вам, благочестивыя сестры о Господе! Вы для того и оставили мир, за тем и уединились в этой св. обители, чтобы безпрепятственнее, удобнее «мудрствовать горняя, а не земная: благу часть избрали» вы. Но удалившись от мира телом, старайтесь удалиться от него и душою, старайтесь отрешиться от него и мыслями, и желаниями, и всеми привязанностями сердца: увы, в каком бы глубоком уединении ни жил человек, но, пока он вспоминает и мечтает о

земных удовольствиях, скорбит о житейских благах и, хотя издали, витает душою своею посреди суетного мира, дотоле он «мудрствует земная». Вы проводите дни свои в посте, молитвах, посещении храма Божия и других благочестивых занятиях. Благодарение Господу! Но смотрите, не ограничивается ли все это одною внешностию, усовершенствуется ли посреди этих занятий самая ваша душа, отлучается ли от прежних порочных наклонностей и привычек, делается ли добрее, утверждается ли более и более в вере, надежде и любви христианской, жаждет ли она благ небесных и влечется ли к ним всеми своими силами. О, если усовершенствуется и влечется: то вы поистине «мудрствуете горняя, а не земная». И будьте уверены, что, рано или поздно, вознесетесь и вы туда же, сперва душами своими, а потом и телами, куда вознесся некогда св. славный пророк Илия, имени которого посвящен храм ваш.

Да удостоит Господь Бог благодатию своею и всех нас, братие, достигнуть нашего горняго отечества! Аминь.

Слово на Новый год, сказанное в кафедральном соборе 1-го января 1858 года.

«Сотворите себе сердце ново и дух нов» (Иез. 18, 31).

Ныне день приветствий и благожеланий. Мы приветствуем друг друга с новым, наступившим годом, мы желаем друг другу нового здоровья, нового счастья, всего нового и лучшего. Но спросили ли мы самих себя, чего же ныне желает нам наш Отец небесный, который и посылает нам новый годъ – этот новый, безценный дар Его безконечной к нам благодати?

О, братие, и Господь желает нам нового и лучшего! «Отвержите от себе вся нечестия ваша, имиже нечестовали ко Мне, и сотворите себе сердце ново и дух нов, и сотворите вся заповеди Моя» (Иез. 18, 31): вот Его постоянное, неизменное, единственное благожелание нам! И ныне, как и всегда, и в наступившем году, как и в предшествовавшем, как и во все предшествовавшие, «живу Аз, глаголет Адонаи Господь, не хочу смерти грешника, но еже обратится нечестивому от пути своего и живу быти ему» (Иез. 33, 11). К этому направлены все действия Его промышления о нас: Он прилагает нам дни на дни, дарует нам новыя и новыя лета живота, ущедряет нас благами земли или казнит несчастиями, – а все почему и для чего? Потому, что «долготерпит на нас, не хотя, да кто погибнет, но да вси в покаяние приидут» (2Петр. 3, 9). Для этого приходил на землю и Сын Божий, которого рождество по плоти мы так недавно праздновали и который «дал есть себе за ны, да избавит ны от всякого беззакония, и очистит себе люди избранны, ревнители добрым делом» (Тит. 2, 14). Для этого Он возвестил нам новый закон сущность которого состоит в том, чтобы "отложить" нам, «по первому житию, ветхого человека, и облещися в новаго, созданного по Богу в правде и в преподобии истины» (Ефес. 4, 22–24); установил на земле св. Церковь и в ней чин пастырей и учителей «к совершению святых, дбндеже достигнем вси в мужа совершенна» (Ефес. 4, 12–13), установил таинства и чрез них ниспосылает нам благодать, «да отвергшися нечестия и мирских похотей, целомудренно и праведно и благочестно поживем в нынешнем веце» (Тит. 2, 12). Но нужно ли еще доказывать, чего желает нам ныне, как и всегда, Господь Бог? «Несть воля пред Отцем вашим небесным», сказал Спаситель, «да погибнет един от малых» (Матф. 18, 14). «Сия есть воля Божия», свидетельствует св. апостол, «святость ваша» (1Сол. 4, 3).

И смотрите, как малы сравнительно с этим благожеланием нам Божиим, как даже ничтожны без него все прочия благожелания, какия мы

выражаем друг другу по случаю нового года. Мы желаем друг другу нового здоровья, новых сил. Но что силы и здоровье, если мы употребим их на грех, – не на служение Богу, а на службу диаволу, не для врачевания и усовершенствования души своей, а чтобы только увеличить ее язвы и немощи и скорее погубить ее для вечной жизни? Лучше быть менее здоровым, лучше быть слабым: лишь бы менее грешить. Мы желаем друг другу многолетней жизни. Но чем продолжительнее мы будем жить и грешить: тем только более «по жестокости» своей «и нераскаянному сердцу» будем «собирать себе гнев в день гнева и откровения праведного суда Божия» (Рим. 2, 5). Там не спросят нас: долго ли кто жил? А спросят: как жить – хорошо или худо? Дни и лета жизни даруются нам Господом собственно для нашего духовного развития и усовершенствования: «того бо есмы творение, создани во Христе Иисусе на дела благая» (Ефес. 2, 10). Следовательно не тот старец в строгом смысле, кто долго жил, но потерял, растратил время своей жизни на худыя дела, а тот, кто и менее жил, но воспользовался временем жизни, согласно с волею Божиею, для своего нравственного обновления и возвышения. Мы желаем друг другу новых благ и сокровищ, новых радостей и удовольствий, новых преимуществ и отличий. Но горе – блага и сокровища земли, если мы "приложим" к ним свое "сердце" (Псал. 61, 11) и забудем Господа; горе – богатства, если мы будем иждивать их не во славу Божию, не для вспомоществования ближним, а для удовлетворения своим страстям и дурным привычкам. Радости и удовольствия, если оне порочны, неизбежно вливают яд в нашу душу, расслабляют мало-по-малу наши умственные и нравственные силы, часто разстраивают наше телесное здоровье и всегда оставляют в сердце человека какую-то тягостную пустоту и горечь. Почести и отличия – что оне без христианского смирения и самоотвержения, без христианской готовности жить для ближних, для блага общества и всего отечества? Оне могут только усилить в нас и без того сильную в падшем человеке «гордыню – начало» всякого "греха" (Сир. 10, 15), могут ослабить и изсушить в сердцах наших и без того слабую любовь к нашим собратиям и к самому Господу. Вообще все блага, каких мы желаем ныне и себе и друг другу, будут только тогда благами и истинно-полезными, если мы воспользуемся ими в наступающем новом году по-христиански, как «язык свят, люди обновления» (1Петр. 2, 9), и будут непременно пагубными для нас и для ближних без этого существенного условия.

Кто из нас не поймет теперь, братие, что в основании всех наших взаимных благожеланий ныне должно лежать благожелание нам Божие: «сотворите себе сердце ново и дух нов»? Это одно может придать нашим

нынешним приветствиям и благожеланиям христианский характер, без которого они могут приличествовать и язычникам. Счастлив тот, кто, вступая ныне во врата нового лета, решится начертать на них: «древняя мимоидоша, се быша вся нова» (2Кор. 5, 17), решится оставить прежний, порочный образ жизни и вступить на новый путь, путь веры и благочестия, чтобы, при помощи Божией, идти по нему твердо и неуклонно к «новому небу и новой земле», которых «по обетованию» Божию "чаем" (2Петр. 3, 13). Этого-то величайшего и единственного счастья желаю ныне всем вам, мои возлюбленные, от всей души, как ваш пастырь и учитель. Аминь.

Речь на Новый год, сказанная в Харьковском кафедральном соборе 1-го января 1868 года.

«Нова небесе и новы земли, по обетованию Божию, чаем, в нихже правда живет» (2Петр. 3, 13).

Когда исполнится это обетование Божие и наше чаяние, когда настанут для нас новое небо и новая земля, нам не открыто. Но открыто нам, что на новой земле, как и новом небе, будет обитать "правда". Счастливая земля! Там не будут испытывать всей этой неправды, в ея безчисленных видах и проявлениях, какую испытываем мы на нашей старой, грешной земле, и которая отравляет и без того многоскорбное наше существование.

Братие! Если уже у нас вошло в обычай по случаю каждого нового года желать друг другу нового счастья: то пожелаем в настоящий раз и самим себе и друг другу "правды" – этого главнейшего и самого необходимого условия для истинного счастья. Еще так недавно, пред самым почти новым годом, по воле нашего Всемиловитейшаго Государя и Отца, нам дарован новый суд, имеющий целию – водворение между нами правды. С величайшим сочувствием, с горячими надеждами и благожеланиями мы встретили этот суд, – и весьма естественно. Но кто ж не знает, что один суд, как бы он совершен ни был, не сделает для нас всего, если мы, с своей стороны, не будем оказывать ему полного и единодушного содействия? Скажем точнее: суд, самый лучший, может только обуздывать неправду, давать торжество правде; а искоренить неправду, утвердить правду в нашей жизни общественной, можем собственно мы сами или по преимуществу мы, при нашем добром и твердом желании, при нашем дружном, решительном, неуклонном стремлении к цели. Да воцарится же правда в каждом из нас и между нами и да царит она в наших душах, в наших словах, в наших делах.

Правда в душах наших будет тогда, когда мы научимся быть верными истине и не изменять ей в мыслях, желаниях и чувствованиях; научимся понимать и ценить себя и других согласно с истиною, не преувеличивая собственных достоинств и не умаляя достоинств чужих, усвоив всем и каждому именно то и столько, что и сколько каждому действительно принадлежит; когда научимся равно уважать жизнь, честь, достояние, как свои собственные, так и наших ближних. Правда в словах будет тогда, когда мы приобретем навык говорить всем и всегда одну истину и никогда ни в чем не лгать; говорить истину о самих себе, избегая всякого

самохвальства, самоуничужения и притворства; говорить истину о наших ближних, не позволяя себе никакого злословия и клеветы, никакого подобострастия и лести; когда навикнем сохранять, во всех обстоятельствах жизни, верность данному нами слову. Правда в делах будет тогда, когда мы, при взаимных сношениях между собою, начнем «воздавать всем должное» (Рим. 13, 7), оказывать честь каждому по достоинству и не совершать ничего, чем мы могли бы нарушить права наших ближних, оскорбить их личность, повредить их жизни и их собственности.

Решимся же, братие мои, с нового года обновиться правдою, полюбить ее всем существом и неизменно служить ей в наших душах, проявлять ее в наших словах и делах. И Господь Бог, дающий нам ныне новое лето своей благодати и желающий нам всякого блага, не умедлит благословить нашу святую решимость и подать нам силы к ее осуществлению. А тогда как обновится и преобразится все не только в нас, но и вокруг нас! Сколько прекратится скорбей и бедствий, которые ныне мы терпим друг от друга по своим неправдам! Какими и стройными и правильными сделаются наши взаимные отношения! Как мирно и тихо потечет наша жизнь домашняя и общественная! И сколько чистых радостей мы будем находить тогда и в самих себе и в наших ближних! Аминь.

Слово в неделю о мытаре и фарисее, сказанное в Предтеченской церкви архиерейского дома 12 генваря 1858 года.

«Покаяния отверзи ми двери, Жизнодавче!»

С настоящего дня св. Церковь начинает готовить нас к подвигу поста и покаяния. И так как мы, немощные, не в состоянии даже покаяться во грехах сами собою, без содействия Божия: то прежде всего она влагает в уста каждого из нас трогательную песнь: «покаяния отверзи ми двери, Жизнодавче», – песнь, которая, огласив своды храмов ныне, будет повторяться и во все последующие воскресные дни до поста и во время поста. А между тем в каждый из воскресных дней, предшествующих св. сорокадесятнице, св. Церковь еще преподает нам особые уроки, руководствующие нас к покаянию. Ныне такой урок она преподавала нам евангельскою притчею о мытаре и фарисее. В лице фарисея она указывает нам на гордость, которая есть первое препятствие к истинному покаянию; в лице мытаря – на смирение, которое есть первое условие к истинному покаянию.

В самом деле, что требуется от нас, когда мы приступаем к таинству покаяния? Прежде всего, чтобы мы сознали свои грехи, вспомнили их во всей подробности, взвесили их значение, силу, виновность, и вслед за тем показали искреннее сокрушение о них, т. е. сокрушение о том, как глубоко мы оскорбили своими грехами Бога, нашего Отца и благодетеля, нарушая Его святую волю, оскорбили самих себя, унижая грехами свою богоподобную природу и подвергая себя их губительным последствиям, оскорбили ближних своими безчисленными несправедливыми поступками. «Обратитесь ко Мне», заповедует Господь, «всем сердцем, в посте и в плачи и в рыдании, и расторгните сердца ваша» (Иоил. 2, 12–13). Скажите-ж, способен ли ко всему этому человек гордый? Способен ли он взглянуть на себя в этом своем нравственном безобразии, почувствовать свою виновность пред Богом и ничтожество и возскорбеть сердцем о своих недостойных делах? Напротив, он способен только услаждаться своими достоинствами, истинными или мнимыми, и всегда готов величаться ими не только пред людьми, но даже пред Богом, как и поступил фарисей. Вошел он в храм помолиться: как же он молится? «Боже, хвалу Тебе воздаю, яко несмь, якоже прочии человецы, хищницы, неправдницы, прелюбодее, или якоже сей мытарь. Пощуся дважды в субботу, десятину

даю всего, елико притяжу» (Лук. 18, 11–12). Очевидно, что этот человек, вместо Бога, восхваляет собственно самого себя и вместо того, чтобы просить Божией милости и помощи, как бы выражает, что оне ему не нужны: так он совершен! Гордость ослепляет человека и не дает ему видеть себя в настоящем свете: достоинства его крайне увеличивает, недостатки умаляет или вовсе скрывает. И если бы несчастный захотел, в минуты духовного просветления, рассмотреть свои грехи, она найдет тысячи предлогов, чтобы извинить их, уменьшить их важность и даже представить их в качестве добродетелей. Совсем не таковы люди смиренные. И соблюдая закон Божий, они обыкновенно говорят: «раби неключими есмы: яко еже должны бехом сотворити, сотворихом» (Лук. 17, 10). И стоя на высоте добродетелей, любят памятовать свои слабости и недостатки и созерцать глубину человеческого падения. А когда действительно согрешают: то не только не станут оправдывать себя или уменьшать свою виновность пред Богом, напротив готовы преувеличивать ее и признать себя первыми грешниками в мире. Это естественно пробуждает в них самое глубокое сокрушение о грехах своих и самое живое раскаяние. И истинно-смиренный иногда дотого считает себя недостойным пред Богом, что, подобно мытарю, не дерзает даже очей возвести на небо, а только, бия в перси своя, взывает: «Боже, милостив буди мне грешнику» (Лук. 18, 13).

Сознав свои грехи и искренне сокрушаясь об них, кающийся христианин обязан еще исповедать эти грехи пред своим отцем духовным. В том нет сомнения, что Господь Бог знает все наши дела без всякой нашей исповеди. Но так как Он благоволил предоставить в Церкви своей на земле власть "вязать" и "решить", отпускать или не отпускать грехи, пастырям (Иоан. 20, 22–23); а пастыри, как люди, невсеведуши и должны наперед узнать, что разрешить или не разрешить: то устная и самая подробная исповедь пред ними необходима. Согласится ли человек гордый на такую исповедь? Согласится ли он в уничиженном виде предстать пред лице скромного служителя Церкви и открыть ему свою темную душу и недостойныя дела? О, скорее он вовсе не пойдет к духовнику, успокоивая себя мыслию, что довольно покаяться пред Богом; или если и пойдет, то ограничится исповеданием одних общих и самых обыкновенных грехов, не обнаруживая своих сокровенных и унижительных злодеяний; а если и обнаружит, то постарается как-нибудь извинить их и представить в лучшем виде. Нет, чтобы принести полное и чистосердечное исповедание во грехах, необходимо гордецу прежде смириться: без смирения исповедь невозможна. А смиренные и истинно-кающиеся не только не устыдятся

обнажить свои греховные язвы пред врачами духовными, но не отказались бы обличить себя пред целым миром, как и случалось в первенствующей Церкви. Тогда грешники приносили покаяние всенародно: в продолжение нескольких месяцев, а иногда и лет, стояли или лежали они у врат церковных в самом уничиженном виде и открывали свои злодеяния всем, входившим в церковь, прося их молитв, пока не получали наконец разрешения от духовных пастырей. Вот на какие жертвы способно христианское смирение!

Говорить ли о других условиях истинного покаяния? О живой вере во Христа Спасителя мира, без которой никто и никогда не получит отпущения грехов, как бы глубоко ни каялся и ни сокрушался (Деян. 4, 12; Рим. 3, 28), и о твердом намерении исправить свою жизнь, без которого сокрушение о грехах было бы неполным и нечистосердечным? От человека гордого нельзя ожидать выполнения и этих условий. Вера для гордеца всегда кажется стеснительною: он так высоко мечтает о своем уме и о своих достоинствах, так много полагается на собственные силы, что не чувствует нужды в высшей помощи и необходимости пленить себя в «послушание Христово» (2Кор. 10, 5). С другой стороны, при постоянном довольстве самим собою и своими поступками, в нем не может родиться и воспитаться желание переменить свой образ жизни и сделаться нравственно-лучшим. А смиренный? Чем более он сознает свои немощи и нравственное бессилие: тем глубже сознает и нужду в небесной помощи, тем живее способен веровать в Того, который «спасти до конца может приходящих чрез него к Богу, всегда жив сый, во еже ходатайствовати о нас» (Евр. 7, 25). Смиренный, чувствуя всю гнусность своей греховной жизни и истинно сокрушаясь о ней, может естественно придти и к твердой решимости исправиться и вступить на путь добродетели.

Братие-христиане! Если вы действительно желаете в наступающем посту принести искреннее покаяние в своих грехах и очистить свою совесть: то заметьте, с чего должно начаться, по намерению св. Церкви, наше приготовление к этому великому делу. Начнем с того, чтобы мало-по-малу сокрушить в себе гордость, которая более или менее гнездится в сердце каждого человека, и чтобы пробудить в себе смирение. Разсмотрим, каждый, самих себя с полным безпристрастием, свои силы, способности, таланты, свою жизнь и дела, пред зеркалом Божественного откровения, пред судом нравственного закона; вспомним о нашей совершенной зависимости от Бога и о Его безконечном величии над нами: и мы поймем, как мы малы, бедны, жалки, ничтожны, как безразсудна и неестественна в человеке гордость и как сродно, свойственно ему боголюбезное смирение.

Отец и образец гордости есть диавол; а образец смирения – Господь Иисус. Потому-то и необходимо нам отвергнуться гордости и проникнуться смирением пред таинством покаяния, чтобы с тем вместе отречься диавола и соделаться истинными последователями Христа. Аминь.

Слово в неделю Православия, сказанное в Казанском С.-Петербургском соборе в 1844 году.

«Православия день празднует, православнии людие наипаче прославим Виновника всех благ Бога, Иже сый благословен во веки» (Из последов. в неделю Православия).

Все мы знаем, братие, по собственному опыту, что очень нередко блага, которыми постоянно пользуемся, вовсе и не кажутся нам благами, или, по крайней мере, теряют в глазах наших весьма много цены. Ах, не в высшей ли степени это справедливо по отношению к безценному нашему сокровищу – православной вере Христовой?... Ныне св. Церковь, празднуя торжество своего Православия, призывает нас благодарить Виновника всех благ за это безценное сокровище. Вот нам прекрасный случай освежить в своем уме важнейшую истину, которую памятовать для нас всего необходимее, и которую, к прискорбию, мы так часто забываем. Да и когда, если не в торжество Православия торжественно возвестить с сего священного места во всеуслышание православным, что первое и высочайшее наше благо на земле есть, неоспоримо, она – наша святая, отеческая, православная вера?!.. Первое и потому, что мы люди; и потому, что мы сыны России.

На человека можно смотреть с двух сторон: как на существо, высшее всех на земле по своей природе, и как на существо, несчастнейшее всех на земле по своему грехопадению. И правильный взгляд на человека непременно должен обнимать его с обеих этих сторон.

Что же, – какое благо можно назвать первым для человека, как существа, превосходнейшего из всех земнородных? В этом отношении всякое благо для него потому только и есть благо, что удовлетворяет той или другой потребности его природы. Следовательно, первым благом в строгом смысле может быть для нас только то, которое бы удовлетворяло самым высшим потребностям нашего существа. Какия же это потребности? Без сомнения, не потребности телесныя: ибо потребности сии есть и у низших животных; значит, и блага чувственные для людей, не великой цены. Без сомнения, и не душевныя потребности, которыя также общи нам со всеми животными, хотя у нас являются на высшей степени, нежели у них; значит, и душевныя блага – знания, искусства и тому подобныя – для нас, как людей, все еще не высшия блага. Нет, есть у нас

потребности, или справедливее, есть одна потребность духовная, которой уже не имеет ни одно низшее животное, которая принадлежит нам собственно, как людям, превознесенным над всеми земнородными, и обща нам с безплотными, совершеннейшими духами. Это – потребность таинственного общения и единения с самим Богом (Иоан. 17, 21), по образу которого мы сотворены; потребность жизни в Боге, Богом и для Бога (Рим. 6, 10), благодать которого столько же необходима для нашего духа, сколько воздух и пища для тела, знания и закон для души. Выше этой потребности не только в нас, но и вообще в существах сотворенных даже быть не может. И сей-то высочайшей потребности нашего естества вполне удовлетворяет Богодарованная нам вера Христова: здесь всеблагий Человеколюбец сам зовет нас в благодатное единение с Собою, сам указывает нам все нужные средства к тому, сам вместе со Отцом небесным приходит к нам и творит в нас для Себя обитель (Иоан. 14, 23), так что христианин истинно-верующий и «пребываяй в любви», по истине, «в Бозе пребывает, и Бог в нем пребывает» (Иоан. 4, 16), «не ктому живет сам, но живет в нем Христос» (Гал. 2, 20). Сей-то высочайшей нашей потребности удовлетворяет только она одна – вера Христова православная, именно – вера, которая принесена на землю Сыном Божиим, истинным Спасителем человеков, проповедана в начале Его св. апостолами, и с тех пор блюдетя и проповедуется, во всей чистоте, Его православною Церковию: «Аз есмь путь и истина и живот: никтоже приидет ко Отцу, токмо Мною» (Иоан. 14, 6), – засвидетельствовал сам Христос, Господь наш; «без Мене не можете творити ничесоже; аще кто во Мне не пребудет, извержется вон» (Иоан. 15, 5–6). И там, где изменена истина Христова и обезображена заблуждениями человеческими, можно ли без противоречия утверждать, будто и там истинная вера Христова, когда Христос один, истина также одна, и между истиною и заблуждением не может быть никакого общения?... Отсюда следует, что вера православная для нас, как людей, есть не только благо первое и высшее, но и благо единственное. Только она одна возвышает нас на степень людей, и дает нам возможность жить жизнью истинно человеческою; только она одна подлинно отличает нас от низших животных, и уподобляет совершеннейшим духам; только она одна делает нас чадами Божиими, участниками Божественного естества.

Посмотрим ли мы теперь на себя, как на существа, несчастнейшие всех на земле по своему грехопадению, мы опять увидим, что и в этом отношении не только первое, но даже единственное наше благо есть та же самая православная вера Христова. Ибо в чем эти наши несчастья? В том, что грехи наши бесконечно прогневили нашего Создателя, и удаляют нас

от Него; в том, что они глубоко повредили и непрестанно повреждают более и более все силы нашего существа; в том, что они лишили нас вечного блаженства, и уготовляют для нас вечную погибель; короче: все наши несчастья в самих же грехах, а все прочее необходимо уже из них вытекает. Кто же из нас не знает, братие, что от этих несчастий освобождает и может освободить нас собственно одна лишь вера Христова, вера православная? В святейших своих таинствах она очищает нас от всех грехов; а очищая, она в то же время и тем самым примиряет нас с Богом и содействует сынами Его; перерождает, обновляет и освящает все наше естество, сообщает нам все благодатные дарования для нашего последующего преуспевания во благочестии, для нашего постепенного восхождения от силы в силу, от славы в славу. Муки вечныя – оброцы греха тогда уже не для нас, если мы пребудем истинными христианами до самой своей кончины; нет, – горние престолы, небесные венцы, вечная слава и блаженство со Христом: вот тогда удел наш! О, Боже милосердый! Мало того, что Ты, по безконечной благодати своей, освобождаешь нас от величайших бедствий, исторгаешь из самой бездны адовой, Ты даруешь еще нам такие блага, поставляешь нас на такую высоту, о которых мы и помыслить бы не дерзнули.... Столько-то безценна для насъ – грешников вера Христова! И не забудем, что «нестъ иного имене под небесем, даннаго в человецех, о немже подобает спастися нам», кроме имени Иисуса Христа (Деян. 4, 12); нет, следовательно, и другого пути ко спасению, кроме истинной, неповрежденной веры Христовой, т. е., веры православной; нет, следовательно, и другой руководительницы ко спасению, кроме истинной же Церкви Христовой, т. е., Церкви православной.

Как сыны России, мы, без сомнения, должны почестъ для себя первым благом то, что, с одной стороны, доселе имело самое благотворное влияние на судьбу нашего отечества, и от чего с другой – всего более может зависеть его будущее благосостояние. Но в этом и другом отношении, сколько бы мы ни размышляли, по всей справедливости, мы должны приписать это важное преимущество православной вере Христовой, которая, по слову Апостола, "имея" в себе для людей «обетование живота грядущаго», с тем вместе "имеет" для нас «обетование и живота нынешняго» (1Тим. 4, 8).

В самом деле, сколько уже благодеяний – и каких благодеяний совершила для нас православная вера? Не она ли еще в начале изменила наши дикие, языческие обычаи, умягчила наши нравы, и, по самому свойству своему, преобразуя душу, освящая сердце и облагораживая все

внутреннее существо человека, естественно преобразовала мало-по-малу самый внешний наш быт? Одно это благодеяние есть уже благодеяние величайшее! Не она ли принесла к нам с собою первые лучи просвещения, и соблюдала этот благодетельный свет для наших предков посреди всех бурь и треволнений политических? Не она ли первая значительно образовала и сохранила для нас наше древнее родное слово; возвысила и усовершенствовала дух наших отечественных законов? Еще три благодеяния, и благодеяния величайшие! Но что всего важнее – не вера ли православная посеяла, вкоренила и возрастила во всех сынах России это безпредельное благоговение и любовь к своим венценосцам, как помазанникам Божиим, это всецелое, безусловное им повиновение, которое во все времена было главнейшим источником нашего счастья? Не вера ли православная также всегда научала наших добрых князей и монархов благочестивейших любить своих подданных, как братьев о Христе, не щадить для них ничего, трудиться для их блага до самопожертвования, и таким образом изливать на нашу любезную родину новый неизсякаемый источник счастья?... Бывали, братие, все мы это знаем, бывали некогда страшные годы для нашей отчизны, когда, по-видимому, уже не оставалось ей никакой надежды на спасение: о, кто спас бы ее в те минуты, если бы не православная вера? Она-то возжигала тогда в наших благочестивых пастырях неудержимую ревность смело призывать всех православных на защиту отечества; она-то укрощала тогда у нас внутренняя распри, погашала тайные крамолы, подавляла мелкие расчеты самолюбия и воодушевляла все сословия одною благороднейшею мыслию – приносить в жертву отечеству достояние и жизнь. И непобедимы являлись наши Христоролюбивые воины, сражаясь за святую Русь, сражаясь за православную веру! Но у нас не достало бы ни времени, ни сил подробно исчислить все то, что сделала для блага нашей родины наша св. вера: «имей уши слышати», довольно "услышит" и уразумеет и из немногого сказанного.

На основании прошедшего нам легко уже судить и о будущем, Вера Христова всегда одна и та же неизменна в своем существе, неизменная и в своих действиях на род человеческий. Следовательно, как доселе, так и впредь навсегда она останется первою нашею благодетельницею, если только мы останемся ей верными. Вековые опыты доказали, что ничто столько не питает в народах истинной любви к отечеству и к своим присным, как христианская вера, повелевающая "полагать" самую «душу свою за други своя» (Иоан. 15, 13); ничто столько не питает в народах совершеннейшей преданности и повиновения к помазанникам Божиим и

вообще ко всем властям, как христианская же вера, научающая нас, что «владеет Вышний царством человеческим, и ему же восхощет даст е» (Дан. 4, 22), что «Им царие царствуют, и сильнии пишат правду» (Прит. 8, 15), что «несть власть, аще не от Бога», и что потому «противляйся власти, Божию повелению противляется» (Рим. 13, 12). Вековые опыты засвидетельствовали, что ничто столько не дает обществам человеческим лучших и полезнейших членов, как христианская же вера. Ибо какие члены в обществе могут быть названы полезнейшими? Справедливость отвечает, что это те усердные граждане, которые свято исполняют все частныя обязанности своего звания, каково бы оно ни было, любя его искренно и будучи им довольны; это те достойные отцы семейств, те воспитатели и наставники, которые не внушают детям и питомцам своим другого страха, кроме страха Божия, другой чести, кроме чести делать добро, любить свою родину и со временем принести ей на жертву все драгоценное; это знатные и богатые, постоянно занятые участию низших и несчастных своих сограждан, и всегда украшающие себя одною правдою и благотворительностию; это ревностные пастыри Церкви, которые «оком бывают слепым, ногою хромым» (Иов. 29, 15); словом: это все добрыя и благочестивыя души, для которых любовь к человечеству есть не расчет эгоизма, а священнейшая обязанность и невольное влечение. Вот истинные мужи государственные, на какой бы степени в обществе они ни стояли – на первой, или на самой последней! И этих-то истинных патриотов образует одно христианство: ибо оно одно имеет средства соделывать людей добрыми. Прибавьте же к сему, возлюбленные, что вера православная, в продолжение веков, слилась, так сказать, нераздельно слилась с жизнью нашего отечества, соделалась душою нашего политического тела и первым из коренных начал нашей народности, – и вы поймете, что теперь уже неизбежно одно из двух: если мы, подобно своим отцам и дедам, будем истинно дорожить этим сокровищем, будем блюсти, яко зеницу ока, свою отеческую веру, – она во веки не престанет, по прежнему, благодетельствовать сынам России. Но если мы изменим вере отцев, уклонимся на распутья: о, тогда – судите сами – что тогда должно последовать с нашим отечеством?

Время наконец, братие, усвоить нам и те важнейшие уроки, какие заключаются в рассмотренной нами истине.

Вера православная есть первое для нас благо и как для людей, и как для сынов России. Итак, прежде всего и более всего, прославим и возблагодарим Виновника всех благ Бога за то, что Он удостоил нас от самого рождения узнать это сокровище и им пользоваться; за то, что чрез

веру православную Он возвеличил, превознес и препрославил наше отечество посреди других народов. Возблагодарим Его особенно ныне, когда нас призывает к тому св. Церковь, и когда мы празднуем, вместе с нею, торжество Православия. Не престанем благодарить и всегда – во все прочие дни живота нашего: ибо не всегда ли мы пользуемся благодеяниями св. веры? Не всегда ли даже в нашем отечестве для Церкви православной и торжество Православия, – так что все ее существование у нас, в продолжение веков, не есть ли одно непрерывное торжество?

Вера православная есть первое для нас благо и как для людей, и как для сынов России. Будем же блюсти это благо более всех наших благ, блюсти с ревностною и неусыпною попечительностию. Возревнуем о св. вере так, как ревновали о ней некогда наши благочестивые предки, которые постоянно ставили ее выше всего, не соглашались изменять ей ни за какие сокровища в мире, напротив, в случаях нужды, сами жертвовали, из приверженности к ней, всем своим достоянием, с радостью подвергались за нее гонениям и страданиям, с радостью вкушали самую смерть, и таким образом соблюли для нас древнее Православие во всей его чистоте и спасительности, и завещали нам, как самое драгоценное наследие.

Вера православная есть первое для нас благо и как для людей, и как для сынов России. А посему, не полагаясь на одне собственные силы, станем, как можно чаще и пламеннее, взывать к Господу Богу, да укрепит Он сам, всемогущий, всех нас в правоверии до конца, да сохранит в правоверии наше любезное отечество в роды родов, и да не престанет чрез веру православную изливать на него более и более неистощимое обилие своих милостей и щедрот. Аминь.

Слово в неделю вторую Великого поста, сказанное в Предтеченской церкви архиерейского дома 16 февраля 1858 года.

«Чадο, отпушчаются тебе греси твои» (Марк. 2, 5).

Принесли к Господу Иисусу разслабленного, – принесли с полною верою, что Он исцелит и этого несчастного, как исцелял безчисленное множество других подобных от всякого рода болезней. И что же слышат от Господа? Прежде всего слышат слова Его к разслабленному: «чадо, отпушчаются тебе греси твои». А потом-то уже, когда некоторые из свидетелей начали сомневаться в Его Божественной власти отпушчать грехи, Он присовокупил: «но да увесте, яко власть имать Сын человеческий на земли отпушчати грехи, тебе глаголю: востани, и возми одр твой, и иди в дом твой» (Марк. 2, 10–11). Какая мысль скрывается в этом действии и в этих изречениях нашего Спасителя? Та, что между нашими болезнями и нашими грехами находится самая тесная внутренняя связь, что наши болезни зависят от наших грехов, и следовательно, с другой стороны, должны служить для нас средствами против наших грехов, для нашего нравственного блага. Таков именно и должен быть взгляд христианина на человеческия болезни.

Человек вышел из рук Творца своим совершенным по душе и по телу, безгрешным и безболезненным. Но как только согрешили наши прародители, они подверглись и болезням (Быт. 3, 14). Что такое грех? Это есть неповиновение, противление воле Создателя, есть нарушение нравственного закона, положенного в нашей природе, есть уклонение нашей души, разумно-свободной, от ея высокого назначения. Значит, грех есть действие противоестественное. И потому, как противоестественное действие, он неизбежно должен был низвратить и повредить все силы нашей души, а по тесной связи души с телом, неизбежно низвратил и повредил и все силы нашего тела, внес в него семена разстройства и болезней; он разом отравил своим ядом все наше существо. Во грехе прародительском мы зачинаемся и раждаемся, с семенами болезней являемся в мир; а потом, когда начинаем сами грешить, мы развиваем эти семена более и более и вкушаем от них горькие плоды. Бывают примеры, очевидные для всех, как люди, предающиеся невоздержанию, пьянству, распутной жизни и другим порокам, постепенно истощают и ослабляют свой организм, заражают его многочисленными болезнями и

преждевременно приближаются к могиле. Но и в тех случаях, когда эта связь между грехами и болезнями менее очевидна, она несомненно существует. Не указывайте на праведников, что и они нередко терпят болезни, даже тяжкие, как праведный Иов: и праведники не чужды прародительского греха, и праведники иногда седмижды в день падают. Не указывайте и на тех грешников, которые, сколько ни предаются беззакониям, все наслаждаются здоровьем: грехи не всегда скоро и не во всех производят явную болезнь, но всегда разстроивают силы человека, и рано или поздно это постоянно увеличивающееся разстройство может окончиться такими недугами, каких и не ожидают, – что нередко повторяется пред нашими глазами. Правда, бывает весьма много болезней, которые зависят не от нас, а от враждебного влияния окружающей нас природы и от других внешних причин и обстоятельств. Но спрашиваю: отчего это природа так враждебно действует на нас? Не оттого ли, что мы сами поставили себя во враждебное, противоестественное к ней отношение своими грехами, выступив из того чина, в каком поставил нас Творец? Не оттого ли, что она еще вначале «проклята в делах» человека (Быт. 3, 17)? Почему наше тело так восприимчиво к вредным влияниям природы? Не потому ли, что оно разстроено, ослаблено грехом, и не имеет в себе довольно силы, чтобы им противодействовать? А главное, кто управляет и нашею жизнью, и окружающею нас природою, и всеми обстоятельствами, от которых часто происходят наши болезни, – кто, как не Бог? Но когда Бог посылает или попускает на нас болезни, то, без сомнения, не за наши добрые дела, – Бог бесконечно правосудный и всеблагий. Итак все наши болезни бывают или естественными следствиями наших грехов, или положительными наказаниями Божиими за наши грехи.

Но благодарение Вседержителю! Он и из зла естественного желает извлекать, по возможности, нравственную для нас пользу, и наказывая нас, имеет в виду благотворные для нас цели. Он поражает нас болезнями для того, чтобы мы сознали и почувствовали, как пагубны для нас наши грехи, как прогневаем мы сами своего Господа, и вслед за тем поспешили очиститься от грехов и исправиться: в таких случаях болезни становятся как бы врачевствами против грехов и побуждениями к добродетели. В другое время Он попускает на нас болезни, иногда продолжающиеся целые годы и десятки лет, чтобы воспрепятствовать нам совершить те величайшие, может быть, злодеяния, какие мы совершили бы, если бы оставались здоровы, и которые Он, как всеведущий, предвидит: болезни тогда служат для нас предохранениями от грехов. Наконец, посещает

Господь болезнями нередко самих праведников, как Иова и истинных христиан, чтобы среди страданий испытать и очистить их, как очищается золото в горниле, чтобы среди страданий еще более могла возвыситься их вера, укрепиться их надежда, соделаться непоколебимою их любовь к Богу, могли обнаружиться во всем свете все их добрые свойства: болезни в таких случаях способствуют к нравственному преуспеянию праведников и к возвышению их будущей славы (2Кор. 4, 16–17).

Теперь уже само собою определяется и то, как мы должны вести себя по отношению к болезням.

Когда приходит к нам болезнь: мы встречаем ее обыкновенно с скорбью, а иногда и с ропотом. Скорбеть тут естественно, но роптать несправедливо: потому что болезни зависят от нас же самих, а если и посылаются на нас Богом, то для нашего же нравственного блага. Следовательно, напротив, мы должны встречать их с благодарностию к Богу и лобызать десницу, наказующую нас.

Когда болезнь в нас водворяется: мы большею частию обращаемся к врачам и пользуемся их лекарствами. Это хорошо: потому что и врача и лекарства дал Бог. Но здесь только половина дела. Нужно в то же время обращаться и к врачам и врачевствам духовным, чтобы искоренить в себе самую причину наших болезней, нужно очистить свою душу от грехов в таинстве покаяния, вкусить от источника жизни и здоровья в таинстве евхаристии, исполнить заповедь апостола: «болит ли кто в вас, да призовет пресвитеры церковные и да молитву сотворят над ним, помазавше его елеем, во имя Господне. И молитва веры спасет болящего, и воздвигнет его Господь: и аще грехи сотворил есть, отпустятся ему» (Иак. 5, 14–15). Вот такое врачевание болезней будет христианское!

Когда болезнь наша проходит: мы почти всегда забываем о ней и только изредка стараемся беречь себя от того, что, по нашему мнению, произвело в нас эту болезнь. А между тем, по прошествии каждой болезни, наш долгъ – заботиться об исправлении нашей нравственной жизни, чтобы этим и возблагодарить Господа за наше уврачевание и предохранить себя на будущее время от других болезней.

Братие мои! Теперь у нас время спасительного поста и покаяния. Постараемся же воспользоваться этим временем, да удостоимся услышать от Господа возжеленныя слова: «чадо, отпускаются тебе греси твои», чтобы потом могли исполняться на нас и последующия Его слова: «востани, возми одр твой, и иди в дом твой». Аминь.

Слово в неделю третью Великого поста, сказанное в Предтеченской церкви архиерейского дома 23-го февраля 1858 года.

«Иже хочет по Мне ити, да отвержется себе, и возмет крест свой, и по Мне грядет» (Марк. 8, 34).

Вся жизнь христианина должна быть исполнением этой заповеди Спасителя. Но особенно ей посвящаются, по намерению св. Церкви, дни христианского поста и покаяния. Истинный пост и покаяние непременно требуют от нас самоотвержения, – иначе они невозможны, – и состоят именно в том, что мы, каждый на собственном кресте, «распинаем плоть» свою «со страстьми и похотьми» (Гал. 5, 24), и стараемся умертвить своего «ветхого человека съ деяньми его», т. е., отложить и очистить свои грехи (Ефес. 4, 22). Подвиг нелегкий для наших слабых сил, тем более, что он в настоящий пост должен продолжаться целую сороклетницу! Что же делает наша св. руководительница? Едва мы совершили половину трудного поприща, как она износит из алтарей и поставляет пред нами св. крест самого Господа Иисуса, по следам которого мы шествуем, чтобы мы, взирая на высокий образец нашего "Предтечи" (Евр. 6, 20) и Началовождя, ободрялись после пройденного пути и укреплялись на дальнейший труд поста и покаяния. Можно ли найти средство более близкое и надежное?

Скажите, за кого это пострадал Христос Спаситель? Он пострадал не за Себя, а за нас; Он чист от всякого греха и совершенно невинен, но благоволил воспринять на Себя грехи всего человечества, и за них-то умер на кресте, чтобы искупить нас своею смертию от вечных мучений за грехи и приобрести нам вечное блаженство. А мы за кого страдаем или должны страдать на своих крестах? Мы страдаем за себя и для себя. Мы изнуряем плоть свою, воюющую на дух, отказываем себе в порочных навыках и удовольствиях, не даем пищи своим страстям, сокрушаемся о своих грехах, сетуем, скорбим... для того, чтобы самих себя очистить от всякого беззакония, самих себя предохранить от огня адского, самим себе стяжать царство небесное. Итак, если Христос пострадал за нас, единственно из любви к нам: ужели мы откажемся страдать за себя, из любви к себе? Ужели из одной благодарности к Нему не найдем в себе довольно твердости, чтобы нести вслед за Ним свой крест и продолжать подвиг поста и покаяния?

И что это за страдания, что это за крест, которые мы должны понести?

Как малы, ничтожны они пред крестом и страданиями нашего Спасителя, продолжавшимися всю Его жизнь! Вам кажется прискорбным воздерживаться в течение известного времени от ваших любимых яств, утучняющих тело, и быть вообще умереннее в пище и питии: а Христос – Страдалец, как Он постился для нас? Он постился сряду сорок дней и сорок ночей, не вкушая никакой пищи и питья, пока наконец взалкал; на кресте томила Его такая смертельная жажда посреди мучений за нас, что он воскликнул: "жажду", – и для утоления этой жажды Ему поднесли оцет с желчью! Вы обременяетесь тем, что должны в продолжение поста чаще посещать храмы Божии и усилить свои молитвы и в храмах и в своих жилищах. А вспомните, сколько молился за нас Христос, вовсе не имевший нужды в молитве для Себя, как, уединившись, проводил Он целыя ночи в молитве. Вспомните особенно Его молитву в гефсиманском саду незадолго пред крестными страданиями, которая была так сильна, пламенна и продолжительна, что тело Его источало кровавый пот. Тяготит вас и этот вид смирения, унижения, грусти, какого требуют сокрушение о грехах и самое время покаяния. А Христос в каком унижении находился ради нас в течение всей своей жизни, какие поругания перенес пред своею смертию, какому позору и поношению подвергся на кресте, когда "вид" Его был, по истине, «безчестен и умален паче всех сынов человеческих» (Ис. 53, 3)! На наших крестах если умерщвляется мало-по-малу наш ветхий человек, – то умерщвляется в смысле нравственном. А Христос потерпел за нас физическая страдания: Он подвергся биению, оплеваниям, заушениям, Он «язвен бысть за грехи наша и мучен бысть за беззакония наша» (Ис. 53, 5), Он испытал на кресте «болезни адовы» (Псал. 17, 6) и вкусил смерть самую позорную и мучительную.

Посмотрим, наконец, и на последствия Его страданий. Своим крестом наш Спаситель победил мир, во зле лежащий, и диавола. Итак, если во дни поста и покаяния эти враги нашего спасения нападают на нас даже более, чем когда-либо, – да не страшимся их и не унываем духом: под знаменем Победителя их мы в состоянии отразить все их нападения. Своим крестом наш Спаситель усыновил нас Богу и стяжал для нас неисчерпаемое обилие благодатных даров Святого Духа: итак, если изнеможем в борьбе, то воззовем к Отцу нашему небесному, и Он даст самого "Духа" Святого «просящим у Него» (Лук. 11, 13), Духа всемогущего, «способствующего нам в немощех наших» (Рим. 8, 26). Господь не только победил наших врагов своим крестом, но и приобрел нам друзей и братьев в лице ангелов Божиих и вообще небожителей: будем призывать и этих помощников наших, особенно же ангела хранителя своего, когда почувствуем

оскудение наших сил при подвигах поста и покаяния. Господь чрез свои крестныя страдания «вошел в славу свою» по самому своему человечеству (Лук. 24, 26) и нам отверз вход в царство небесное к вечной славе: Устремляйте взоры и на эту возделенную славу, к которой ведет путь креста, и воодушевляйтесь, мыслию, что если мы «постраждем» со Христом, «то с Ним и прославимся».

Таким образом, братие, «терпением да течем на предлежащий» еще «нам подвиг» поста и покаяния, «взирающе на начальника веры, и совершителя Иисуса, Иже вместо предлежащая Ему радости, претерпе крест, о срамоте нерадив, одесную же престола Божия седе» (Евр. 12, 1 и 2). И если мы совершим этот подвиг, как подобает христианам и сынам православной Церкви: то приготовимся достойно встретить и светлое воскресение нашего Спасителя и сподобимся быть участниками Его торжества и славы. Аминь.

Слово в неделю четвертую Великого поста, сказанное в Предтеченской церкви архиерейского дома, 2-го марта 1858 года.

«Сей род ничимже может изыти, токмо молитвою и постом» (Марк. 9, 29).

В минувшую неделю, так-называемую – средокрестную, св. Церковь для ободрения и укрепления нас в подвигах великого поста предлагала нам св. крест нашего Спасителя и указывала на высочайший образец Его крестных подвигов, подъятых для нашего спасения. Ныне она с тою же целью возвещает нам изречение Спасителя о необходимости для нас поста и молитвы и представляет более близкий, более доступный пример для нашего подражания в преподобном Иоанне Лествичнике.

Изречение Спасителя о духе злобы: «сей род ничимже может изыти, токмо молитвою и постом», повидимому, не относится к нам. Благодарение Господу, мы не чувствуем себя одержимыми злым духом физически. Но, увы, братие мои, все мы более или менее одержимы им нравственно по нашим грехам; во всех нас он как бы обитает и распоряжается нами: потому что, когда мы грешим, мы исполняем его волю, творим его похоти (Иоан. 8, 44). И если во дни сорокоустья, по намерению св. Церкви, мы должны покаяться, очистить себя от грехов, исправить свою жизнь: это значит, что мы должны изгнать из себя духа злобы, отвергнуться от него, отложить его темные дела. Потому-то и заповедала нам св. Церковь во всю сорокоустьницу пост и молитву, как самые главные и необходимые средства для нашей цели. Необходима нам теперь молитва и молитва усиленная: чем более мы заботимся во дни покаяния изгнать из себя духа-искусителя, освободиться от его влияния, тем упорнее он противится нам, тем ожесточеннее нападает на нас, – а он и могущественнее нас по самой своей природе и гораздо искуснее. Преодолеть его мы можем не иначе, как только при помощи Божией. «Прочее, братие моя, возмогайте во Господе и в державе крепости его», сказал св. апостол Павел, начиная свои наставления христианам о духовных оружиях против духов злобы поднебесных, и, окончив эти наставления, снова повторил: «всякою молитвою и молением молитесь на всяко время духом» (Ефес. 6, 10, 18). Ибо «оружия воинства нашего не плотская, но сильна Богом» (2Кор. 10, 4). Необходим нам теперь пост и пост усиленный: бороться с духом нечистым мы можем только своею

душею, – а пост, ослабляя нашу плоть, возвышает и укрепляет душу и тем делает ее более способною для борьбы. Чтобы успешнее действовать против диавола, надобно постоянно бодрствовать и следить за всеми его ухищрениями, – а пост, укрощая в нас чувственные пожелания и влечения, обыкновенно возмущающая нашу душу, устраняет главные препятствия к духовному бодрствованию и просветляет око нашей души. Плоть наша с ее страстями и худыми навыками есть первый союзник нашего исконного врага и вместе с ним воюет на наш дух: надобно обуздать ее постом, обезсилить ее страсти воздержанием и сделать ее вполне покорною духу. Другой союзник нашего врага есть мир, во зле лежащий и увлекающий нас своими соблазнами. Эти соблазны – по преимуществу соблазны чувственные, обольстительные для нашей плоти: пост и воздержание, изнуряя тело, делают его менее восприимчивым к соблазнам мира и таким образом притупляют оружие и другого союзника диавола.

Не престанем же, братие, со всем усердием продолжать начатый нами пост и усугублять наши молитвы как в храмах Божиих, так и в наших жилищах, чтобы достигнуть желаемого конца, – отогнать от себя диавола, отложить его дела, очистить себя от грехов, памятуя постоянно слова Спасителя: «сей род ничимже может изыти, токмо молитвою и постом».

Преподобный Иоанн Лествичник, на которого указывает нам ныне св. Церковь, как на пример для подражания, есть один из величайших ратоборцев, побеждавших диавола постом и молитвою. Еще шестнадцати лет он оставил мир и удалился на Синайскую гору. Девятнадцать лет провел он здесь под руководством опытного старца-отшельника. Сорок лет подвизался один в пустыне, без земных руководителей. Четыре года был сам руководителем или игуменом других в знаменитой обители синайской. Наконец опять отошел в свою любимую пустыню и, имея около восьмидесяти лет, предал дух свой Богу. Вся жизнь угодника Божия, начиная с шестнадцатилетнего возраста, была непрерывною войною с врагами спасения, в особенности с диаволом, и представляет собою один, никогда не прекращавшийся, подвиг поста и молитвы. Как плод своей духовной опытности, своих наблюдений за ходом духовной жизни в самом себе, св. Иоанн оставил сочинение, известное под именем Лествицы, от чего и сам получил название Лествичника. В этом сочинении, которое также предлагает нам св. Церковь для чтения во дни четырехдесятницы, он с подробностью описал весь путь восхождения души человеческой к Богу, начертал духовную лестницу, состоящую из тридцати степеней и возводящую от земли на небо. На первых степенях показаны, так сказать, предварительные, начальные подвиги христианина, желающего спастись,

приблизиться к Богу и соединиться с Ним. Затемъ – подвиги, чрез которые мало-по-малу совлекается христианин «ветхого человека, тлеющего в похотех прелестных» (Ефес. 4, 22), очищает себя «от всякой скверны плоти и духа» (2Кор. 7, 1), искореняет в себе все греховное. Наконец на высших степенях изображены подвиги, чрез которые христианин облекается в нового человека, созданного по Богу «в правде и в преподобии истины» (Ефес. 4, 24). и достигает «в мужа совершенна, в меру возраста исполнения Христова» (Ефес. 4, 13). Все эти подвиги, обозначающие восхождение души человеческой к Богу, совершаются не иначе, как посреди непрестающей брани с диаволом и его клеветами, и потому постоянно требуют от христианина, как необходимых оружий, поста и молитвы.

Изъяснять ли, братие, как поучительны для нас в настоящие дни жизнь и творение преподобного Иоанна Лествичника? Вот пред нами не сам Сын Божий, вочеловечившийся, с его необычайными крестными страданиями, а совершенно подобострастный нам человек! И этот человек провел целые десятки лет в подвигах не прекращавшагося поста и молитвы! Ужели же мы не можем и откажемся провести в подобных подвигах, по крайней мере, čtyрeдeсятницy дней? Не говорите, что он был инок: разве не все мы должны быть строгими подвижниками, особенно на время покаяния? Разве не все должны отказываться от греховного мира и от удовольствий плоти, чтобы всецело служить Господу, от которого ожидаем себе помилования? Не говорите, что Лествица преподобного Иоанна написана собственно для иноков: она написана для иноков, но содержит в себе прекрасныя наставления и для мирян, ищущих спасения; для иноков она может служить руководством всегда, а мирянами, по указанию св. Церкви, пусть с благоговением прочтется, по крайней мере, в течение св. čtyрeдeсятницы.

Преподобный и Богоносный отче наш Иоанне! Моли Христа Бога, да пошлет Он нам силы и ревность шествовать вслед за тобою по степеням духовной лестницы, возводящей на небо, шествовать особенно в настоящие дни поста и покаяния. Аминь.

Слово в неделю пятую Великого поста, сказанное в Предтеченской церкви архиерейского дома, 9-го марта 1858 года.

«Образ покаяния тебе имуще, всепреподобная Марие, Христа моли, во времени поста, сему нам дароваться» (Светилен).

Мы видели образ поста и молитвенных подвигов, нам близкий и доступный, в лице преподобного Иоанна Лествичника. Ныне пред нами образ покаяния так же близкий и доступный, в лице преподобной Марии Египетской. Кто не знает дивной жизни этой дивной жены? Кто не знает, в какую глубину зол она низошла, на какую высоту добродетелей потом взошла и как совершился этот поразительный переход? Не станем же рассказывать то, что известно всем, а изложим только, какие главные истины, относящиеся к подвигу покаяния, напоминает нам эта поучительная жизнь.

Первая истина та, что покаяние для нас всегда возможно. Как бы велики и многочисленны ни были наши пороки, как бы ни долго уже мы служили беззаконию, как бы ни укоренились и ни застарели во зле, – мы всегда можем очувствоваться и обратиться к Богу с молитвою о помиловании. Семнадцать, самых свежих и цветущих, лет своей жизни Мария предавалась грехам нераскаянно. И как предавалась? Каким грехам? Казалось, она потеряла всякий стыд; казалось, она совершенно изгнала из сердца своего страх Божий, совершенно заглушила в себе голос совести. Имя Марии было покрыто всеобщим позором. Однакож и эта, повидимому, погибшая душа могла покаяться: отчего же не покаяться и нам? Может быть, наши грехи менее грехов Марии: тем легче для нас покаяние. А если даже не менее, если даже более? Мария пришла в себя и начала каяться, когда стремилась в храм, чтобы поклониться животворящему древу креста Господня: св. крестъ – этот якорь спасения для грешных всегда с нами; "кровь" Иисуса Христа, распятого на кресте, способна очистить нас «от всякого греха» (Иоан. 2, 1). Воззовем только к Нему, подобно Марии, с живою верою в Его крестные заслуги и надеждою на Его милосердие. Мария, когда начала каяться, узрев икону Богородицы при входе в храм, со слезами умоляла Ее о ходатайстве пред Богом: можем ли сомневаться, что Пресвятая Богородица всегда готова ходатайствовать и за каждого из нас, едва только мы обратимся к Ней? Мария тогда же дала обет оставить прежний, порочный образ жизни и исправиться: что в

состоянии возбранить и нам изречь такой же обет, если только мы пожелаем? Но все это только начало.

Вторая истина, какую внушает нам жизнь преподобной Марии Египетской, та, что недостаточно только сознать свои грехи и показать сокрушение о них, недостаточно просить помилования от Бога и дать обет лучшей жизни, а надобно потом на самом деле исполнить этот обет, надобно вступить в борьбу со всеми страстями и пороками, в которых мы раскаивались, и побеждать их; надобно стараться загладить прежние свои вины и благоугождать Богу противоположными добродетелями, скорбями, лишениями. После семнадцати лет порочной жизни Мария, решившись исправиться, немедленно удалилась в пустыню и там другая семнадцать лет неусыпно боролась с своими греховными вожделениями и помыслами, которые влекли ее на прежний путь, – боролась, как с лютыми зверьми, по ее собственному выражению, пока не одержала над ними совершенной победы. Затем еще тридцать лет провела в пустыне посреди всякого рода лишений и трудов, оплакивая свои прежние студныя дела, измождая свою плоть воздержанием и постом, подвизаясь в непрестанном Богомыслии и молитве. Плоть Марии до того утончилась и покорилась духу, что иногда во время молитвы поднималась от земли и могла ходить по водам, как по суше. Вот каково должно быть истинное покаяние, а не такое, каким оно большею частию является у нас! Ныне мы сокрушаемся о своих грехах, а через день или несколько дней снова принимаемся за те же дела. Ныне даем обет отказаться от своих дурных наклонностей и привычек и действовать по закону Божию, а при первом искушении уступаем этим наклонностям без малейшего сопротивления и борьбы. Нет, покаяние во грехах, сознание их виновности, сокрушение о них, обеты исправиться – все это только добрые семена. Нужно еще, чтоб эти семена от житейских забот не заглушились и принесли плод: иначе что пользы? И кающиеся должны постоянно помнить слова св. Иоанна Предтечи: «сотворите убо плод достоин покаяния» (Матф. 3, 8), – т. е., засвидетельствуйте истину вашего покаяния исправлением вашей жизни.

Наконец, третья истина, внушаемая нам примером преподобной Марии Египетской, состоит в том, чтобы мы, стараясь сами раскаяться во грехах и исправиться, пользовались вместе и богодарованными средствами для этой цели: таинствами покаяния и евхаристии – и пользовались, как следует. Целые десятки лет Мария оплакивала в пустыне свой грехи и благоугождала Господу; многолетними подвигами совершенно преобразовала себя, взшла на высоту духовных совершенств, уподобилась ангелам. А между тем все еще чувствовала над собою тяжесть давно

минувших своих беззаконий и молила Бога, чтобы Он удостоил ее облегчить совесть исповеданием своих грехов пред отцем духовным. И вот, по устроению Божию, приходит в пустыню, где подвизалась преподобная, великий авва Зосима. О..., с какою подробностью исповедала она тогда перед ним свои грехи, как не щадила себя, как не устыдилась открыть ему все даже малейшие обстоятельства, увеличивавшие ее виновность! Получив разрешение от преподобного, она просила его придти к ней не прежде, как через год, с св. животворящими тайнами, желая достойнее приготовиться к принятию их, и когда тайны были принесены, она, после обычных молитв, с величайшим благоговением приобщилась этой божественной пище и питию. Если же такая высокая подвижница, столько лет каявшаяся пред Богом, сочла для себя нужным со всею подробностью исповедать свои грехи перед отцем духовным и со всем благоговением вкушать тела и крови Христовой: не тем ли более то и другое необходимо намъ – грешным? Не сам ли Спаситель сказал пастырям Церкви: «имже отпустите грехи, отпустятся им: и имже держите, держатся» (Иоан. 20, 23)? А как они могут отпустить или не отпустить, если мы не откроем им, в чем именно мы виновны? Кому также не известны слова Спасителя, обращенные ко всем нам: «аще не снете плоти Сына Человеческого, ни пиете крове Его, живота не имати в себе» (Иоан. 6, 53), а равно и наставление св. апостола: «да искушает же человек себе, и тако от хлеба да яст, и от чаши да пьет: ядый бо и пияй недостоине, суд себе яст и пьет, не разсуждая тела Господня» (1Кор. 11, 28–29)?

Напечатлеем же, братие, в сердцах наших все три истины, какия преподает нам ныне примером своим преподобная мать наша Мария, и позаботимся теперь же, в настоящем же посту, воспользоваться ими для нашего спасения. А между тем не престанем взывать и к ней: «образ покаяния тебе имуща, всепреподобная Мария, Христа моли, во времени поста, сему нам дароватися». Аминь.

Слово в неделю Антипасхи или Фомину, сказанное в Предтеченской церкви архиерейского дома 30-го марта 1858 года.

«Не буди неверен, но верен» (Иоан. 20, 27).

Истина воскресения Христова так важна, что на ней основывается все христианство: «аще Христос не воста, суетна вера наша» (1Кор. 15, 17). А потому не удивительно, если св. Фома, не бывший свидетелем первого явления воскресшего Жизнодавца ученикам своим, дотога желал убедиться в этой истине со всею очевидностию, что не поверил даже своим соученикам, которые говорили ему: «видехом Господа» (Иоан. 20, 25). И не отверг Господь желания Фомы, не смотря на его неверие; напротив чрез восемь дней по воскресении своем снова явился апостолам, когда и Фома был с ними, повелел ему осязать свои руки и ребра и сказал: «не буди неверен, но верен».

Братие! Не для одного апостола Фомы, не для одних ближайших, непосредственных своих учеников Господь даровал полную возможность убедиться в Его воскресении: она дарована и всем нам. Истина воскресения Христова подтверждается для нас такими событиями, убедительнее которых ничего быть не может.

Первое из этих событий есть чудная, внезапная перемена, происшедшая в апостолах. Смотрите, что – с ними. Еще так недавно они были людьми робкими, боязливыми и когда их Учитель был предан смерти, до того опасались за собственную участь, что собираясь вместе, заключались «страха ради иудейска» (Иоан. 20, 19). А теперь? Вдруг они становятся смелыми, решительными; сами безбоязненно идут на сонмища иудеев, являются среди фарисеев и книжников, предстают пред лице синедриона и везде проповедуют о Христе воскресшем. Им запрещают, угрожают, их заключают в темницу. Напрасно: ничто их не удерживает. И прежде они были преданы своему Учителю и даже уверяли Его, что готовы умереть вместе с Ним; но едва Он был взят слугами архиерейскими, как «все, оставльше его, бежаша» (Матф. 26, 56), и сам Петр, казавшийся ревностнейшим из всех, трижды отвергся Его. А теперь? Они вдруг делаются преданными своему Учителю до совершенного самопожертвования. Они оставляют жилища, родных, самое отечество, развеиваются по всем странам мира, переносят всякого рода труды, лишения, преследования, муки, посвящают всю свою жизнь на проповедь

о Христе распятом, но воскресшем, и наконец вкушают за Него насильственную смерть, запечатлевая собственною кровию истину своей проповеди. Как же могло все это случиться, если Христос не воскрес, – не воскрес вопреки своим предсказаниям и обетованиям апостолам, – если они не видели Его по воскресении, и не убедились решительно в Его воскресении и в Его Божестве? Если изумительна такая нравственная перемена, совершившаяся тогда в апостолах: то не менее изумительна и умственная. Они были простые рыбаки, люди некнижные (Деян. 4, 13), и прежде они многого не понимали в учении своего Учителя, как оно ни ясно и общедоступно, не могли освободиться от предразсудка своих соотечественников относительно царства Мессии. А теперь? Они вдруг являются величайшими мудрецами и проповедуют учение о Боге, мире и человеке самое совершенное, до какого никогда не доходил ни один из людей, раскрывают понятия о Мессии, чище и достойнее которых быть не может, возвещают нравственность такую возвышенную, какой никогда не слышало человечество. Если Христос не воскрес: то не было и не могло бы быть и сошествия Святого Духа на апостолов. Откуда ж эти рыбаки могли получить уста и премудрость, которою они просветили, изумили, победили вселенную?

Второе событие – это чудная неожиданная перемена в иерусалимлянах и вообще в иудеях. Не они ли осудили на смерть нашего Господа, не они ли неистово кричали пред Пилатом: «возьми, возьми, распни Его?» И вот едва прошло с небольшим пятьдесят дней по смерти Его, едва апостол Петр возгласил в день пятидесятницы пред толпами народа, собравшагося в Иерусалим на праздник: «Мужие израильстии, послушайте словес сих: Иисуса Назорея», которого вы, «руками незаконных пригвоздише, убисте, Бог воскресил из мертвых», сообразно древним пророчествам, – как в тот же день уверовали во Христа и крестились до трех тысяч из этих самых иудеев (Деян. 2, 22–41). Чрез несколько дней другая такая же проповедь о воскресшем Христе привлекла к Нему в Иерусалиме еще до пяти тысяч (Деян. 4, 4). В следующие дни в том же городе паче и паче «прилагахуся верующии Господеву, множество мужей же и жен» (Деян. 5, 14). Что же все это значит, если Христос не воскрес, если иудеи, в особенности иерусалимляне, имевшие полную возможность знать истину, по крайней мере не многие не убедились в действительности воскресения Его, не смотря на распушенные слухи о похищении тела Его учениками? Скажете ли, что апостолы привлекали к вере во Христа своими чудесами? Правда. Возвещая иудеям о воскресшем Христе, апостолы подтверждали свои

слова и чудесами. Но где взяли они силу творить чудеса, если Христос не воскрес и не ниспослал на них Святого Духа? И не забудьте, что, принимая веру во Христа, иудеи тотчас же делались предметами ненависти прочих своих соотечественников неверовавших, и решались претерпеть все – притеснения, гонения, муки, самую смерть ради имени Иисуса, некогда распятого ими.... Чем изъяснить такое явление, если Христос действительно не возстал из мертвых?

Не упоминаем о других, последующих, столько же разительных событиях, подтверждающих истину воскресения Христова: о чудесном обращении Савла, одного из величайших врагов христианства, о чудесном распространении св. веры не только между иудеями, но и язычниками, не смотря на все препятствия со стороны языческих жрецов, черни, мудрецов, самих народоправителей, на целыя тысячи смертей, каким подвергались христиане слишком три столетия, на целыя реки крови мучеников. Не указываем и на то, как христианство побеждало врагов своих во все последующие века, как преобразовало оно, возвысило человечество во всех отношениях, какое благодетельное влияние имело на мир наук, искусств, особенно нравственности, какой безчисленный ряд чудес представляет история Церкви Христовой от начала ея и донныне. Если Христос не воскрес, если Он простой человек, а не Богочеловек: скажите, как все это совершилось и совершается Его именем?

Возблагодарим же, братие, воскресшего Жизнодавца: Он требует от нас веры в Себя, но Он же даровал нам и все средства убедиться в Его воскресении и Божестве, так что вера наша не есть вера слепая, темная, а разумная, светлая, основательная. И каждому из нас по справедливости можно сказать то же, что сказал Он апостолу Фоме, осязавшему Его ребра и язвы: «не буди неверен». Аминь.

Слово в неделю св. жен мироносиц, сказанное в тамбовском женском монастыре 6-го апреля 1858 года.

«Слава и честь всякому, делающему благое» (Рим. 2, 10).

Не напрасно, братие, после величайших торжеств в честь и славу умершего за нас на кресте и воскресшего Господа, св. Церковь празднует ныне в честь тех лиц, которые удостоились быть ближайшими свидетелями Его смерти и воскресения. Лица эти суть с одной стороны – св. жены мироносицы, а с другой – св. мужи Иосиф Аримафейский и Никодим. Все они, по-истине, достойны такой высокой чести не только потому, что как бы послужили при двух важнейших тайнах нашего спасения – при смерти и воскресении Христа Жизнодавца, но еще более – за свою неизменную любовь к Нему, явленную особенно в такое время, когда Он был оставлен всеми.

Благочестивыя сестры о Господе! Вам преимущественно должен быть близок пример св. жен мироносиц и назидательна каждая черта, сохранившаяся из их жизни. Внимайте! Едва только оне узнали Иисуса Христа, едва услышали Его учение, а некоторые прияли от Него и исцеление от духов злых и недугов, как оставив все – жилища и семейства свои, последовали вслед за Ним. Господь проходил с двенадцатью учениками своими грады и веси галилейския, «благовествуя царствие Божие»: св. жены сопутствовали Ему всюду и служили Ему, чем и как могли, а многия «служаху Ему» даже «от имений своих» (Лук. 8, 1–3; Марк. 15, 4). Господь пошел с учениками своими в Иерусалим, ясно предсказывая об ожидающих Его там страданиях и крестной смерти: не утрашились пойти туда за Ним и св. жены. Господь предан одним из своих учеников и все ученики, оставив Его, разбежались: не оставили Его только св. жены; оне горько плакали и рыдали, сопровождая Божественного Крестоносца на Голгофу (Лук. 23, 27). Господь – на кресте, все почти злорадуются вокруг Него и издеваются над Ним: св. жены, пришедшие за Ним из Галилеи, стоят издали вместе с пречистою Его Материю и возлюбленным учеником и в глубочайшей скорби взирают на Него (Лук. 23, 49). Господа погребают: св. жены заметили место Его погребения и спешат в город, чтобы приготовить драгоценное миро и ароматы, да помажут тело Его (Лук. 23, 55–56). Едва прошла великая суббота, св. жены мироносицы "зело рано" идут ко гробу Господа с

уготованными благовониями, – и здесь уже ожидала их вожделеннейшая награда... Оне первыя прияли от Ангела весть о воскресении Жизнодавца, – первыя удостоились узреть Его самого воскресшего и услышать от Него сладостнейший глас: «радуйтесь», первыя возвестили о воскресении Его самим св. апостолам (Матф. 28, 1–10; Лук. 24, 1–11).

Научитесь и вы, все иночествующия и не иночествующия сестры, любить Господа такую же глубокою, постоянною и неистощимою любовию, какою любили Его св. жены мироносицы. Одне из вас оставили мир и все мирское, чтобы всецело посвятить себя здесь на служение Господу и уневестили себя Христу добровольными обетами девственной, подвижнической жизни: старайтесь же соблюсти эти святыя обеты до конца, не смотря ни на какия скорби, лишения и труды. Чем выше ваши обеты, чем больше будет с вашей стороны подвига и борьбы: тем высшая уготована вам и награда в чертогах вашего небесного Жениха. Другия из вас, хотя живут в мире и не принимали на себя того, что не все понести могут, все однакож сочетали себя Христу еще обетами крещения, – обетами быть Его последователями и исполнять во всем Его заповеди: храните ж эти спасительныя заповеди всегда и неуклонно, как бы иногда ни казались оне вам тяжкими посреди соблазнов мира, и помните твердо, что только этим вы можете показать свою любовь к Тому, который сказал: «аще кто любит Мя, заповеди Моя соблюдет» (Иоан. 14, 15, 23), только чрез это удостоитесь услышать от Него: «радуйтесь и веселитесь, яко мзда ваша многа на небесех» (Матф. 5, 12).

Обращаюсь к вам, благочестивые мужи, братие о Христе! И для вас есть ближайший урок непосредственно от св. мужей – Иосифа и Никодима, урок такой же истинной любви к Господу Иисусу, хотя вы, без сомнения, понимаете, что и урок от св. жен мироносиц относится не к однем женам. Надобно припомнить обстоятельства, посреди которых жили св. Иосиф и Никодим, чтобы понять все величие их преданности нашему Спасителю. Иосиф был человек богатый и знаменитый член синедриона, верховного судилища иудейского (Матф. 27, 57; Марк. 15, 43); Никодим принадлежал к секте фарисеев, был князь жидовский, т. е., один из старейшин, и учитель народа – один из книжников (Иоан. 3, 1, 10). А члены синедриона, старейшины, книжники и фарисеи – они-то и были главными врагами Господа Иисуса, они-то и положили совет еще во дни Его проповеди, «да аще кто Его исповестъ Христа, отлучен от сонмища будет» (Иоан. 9, 22), они-то и осудили и предали Его на смерть. И однакож, не смотря на все это, Иосиф и Никодим не поколебались пойти против общего предубеждения и ослепления своих собратий, не

поколебались приходить к Иисусу, исповедать Его «пришедшим от Бога» и быть даже учениками Иисусовыми, хотя вначале тайными «страха ради иудейска» (Иоан. 3, 2; 19, 38). Никодим не устранился однажды защищать Господа на сонмище архиереев и фарисеев, когда они невинно порицали Его (Иоан. 7, 50–51). Иосиф смело воспротивился своим сочленам в синедрионе и «не пристал совету и делу их», когда они осудили Господа на смерть, хотя один против всех ничего не мог сделать (Лук. 23, 51). Когда же, наконец, Господь был распят на кресте и оставлен всеми: тогда Иосиф и Никодим не стали более скрывать своей веры в Него, отложили всякий страх иудейский, решились на все из любви к Распятому. Иосиф смело идет к Пилату просить тела Иисусова; Никодим приносит с собою на Голгофу около ста фунтов смирны и алая. Оба вместе с глубокою скорбью и слезами снимают со креста окровавленное тело Божественного Учителя, омывают Его, посыпают благовониями и, обвив плащаницею чистою, полагают в новом гробе, в саду Иосифовом. Злоба ослепленных иудеев не замедлила открыться против благочестивых мужей; они подверглись гонениям, лишены всего, заключены в темницу. Но воскресший Жизнодавец утешил их своим явлением и сопричислил к своему избранному стаду.

Так и мы все, братие, должны быть готовы на всякия жертвы из любви к Господу. Ни богатство, ни знатность, ни власть, ни высокое образование – ничто не должно быть для нас дороже Его св. веры и св. заповедей. И если бы что-либо сделалось для нас препятствием к неуклонному следованию за Христом и к исполнению Его воли: отвергнем от себя это препятствие, как бы драгоценным оно нам ни казалось, и послужим нашему Господу всею душою, да восприимем от Него некогда и мзду по труду своему (1Кор. 3, 8).

Братие и сестры о Господе! Помните всегда, что в христианстве «слава и честь всякому, делающему благое», – всякому без всякого различия пола и возраста. Аминь.

Слова и речи произнесенные в 1841–1868 г.

Речь в неделю о расслабленном, сказанная в Предтеченской церкви архиерейского дома 13-го апреля 1858 года.

«Востани, возми одр твой и ходи» (Иоан. 5, 8).

Одно из величайших зол, каким подвергся человек вследствие своего падения, есть безчисленное множество болезней, преследующих нас от колыбели до гроба. Бывают болезни легкия и непродолжительныя; но бывают тяжкия и весьма продолжительныя, какова и была болезнь расслабленного, об исцелении которого воспоминает ныне св. Церковь. Прискорбно терпеть болезни первого и второго рода, но несравненно прискорбнее – болезни последнего рода: оне иногда подавляют человека своею тяжестью. Что ж делать нам, христианам, в этих случаях?

Прежде всего, как бы ни была продолжительна ваша болезнь, не предавайтесь отчаянию. Расслабленный тридцать восемь лет страдал в своем недуге, страдал и надеялся, надеялся и наконец получил уврачевание. Как бы ни была сильна и велика ваша болезнь, не предавайтесь отчаянию. Расслабленный весь был расслаблен, не мог двигаться сам, лежал только на одре, – и однакож стал потом ходить и сделался совершенно здоровым. Пусть вы испытали уже все пособия человеческия, пусть врачи не подают вам никакой надежды на выздоровление: помните твердо, что для вас есть еще помощь свыше, помощь «от Господа сотворшего небо и землю» (Псал. 120, 2). И расслабленный говорил: «человека не имам, да, егда возмутится вода, ввержет мя в купель» для исцеления (Иоан. 5, 7). Но вместо человека пришел к нему сам Господь и уврачевал его. На такого ли врача нам не надеяться? Смотрите, как велико Его милосердие и сострадание к бедствующим: Он сам, без приглашения, приходит на овчую купель, где находилось пять притворов, наполненных всякого рода недужными; сам обращается к расслабленному и, «разумев, яко многа лета уже имяше в недуге» (Иоан. 5, 6), милостиво воздвигает его с одра болезни. А могущество нашего небесного Врача? Оно не знает никаких пределов. Едва сказал Он расслабленному: «востани, возми одр твой и ходи, – и абие здрав бысть человек» (Иоан. 5, 9).

Но, братие, возлагая всю свою надежду на Господа Бога особенно в тяжких болезнях, мы должны пользоваться и теми средствами, особенными и сверхъестественными, какия даровал Он для врачевания нас от этих болезней. В Иерусалиме была чудесная купель – овчая, в которую

каждое лето сходил ангел Господень и возмущал воду, так что, кто первый потом влазил в купель «по возмущении воды, здрав бываше» (Иоан. 5, 4). В Церкви новозаветной нет такой купели, но есть особое таинство, которое не однажды только в году, а постоянно и во всякое время может врачевать нас от болезней телесных, врачуя и от духовных, именно таинство елеосвящения. Пользоваться им ясно повелевает нам св. апостол, когда говорит: «болит ли кто в вас? да призовет пресвитеры церковныя, и да молитву сотворят над ним, помазавше его елеем во имя Господне. И молитва веры спасет болящего и воздвигнет его Господь, и аще грехи сотворил есть, отпустятся ему» (Иак. 5, 14–15). К сожалению, мы весьма редко, по укоренившемуся предразсудку, обращаемся к этому спасительному врачевству, обыкновенно пред самою уже смертью, когда душа совсем готова разстаться с телом. Между тем как, по заповеди апостола, таинство елеосвящения предназначено для всех тяжело больных, для всех изнемогающих от недугов, а не для одних приблизившихся уже к могиле. И может быть многие из наших скончавшихся собратий были бы еще живы, если бы своевременно воспользовались этою благодатною помощью. Другими как бы источниками, источающими для нас, по воле Божией, сверхъестественныя врачевания от наших недугов, служат св. чудотворныя иконы и мощи угодников Божиих. Сколько бывало случаев и в прежния времена и в наши дни, случаев совершенно достоверных, что люди, одержимые самыми тяжкими, закоренелыми, неизлечимыми болезнями, отправлялись для поклонения чудотворным иконам и св. мощам, и возвращались от них внезапно исцеленными! Почему же не притекать к этим спасительным источникам и каждому из нас? Нужно только, чтобы сердца наши пламенели живою верою в Бога и в предстательство угодников Его, к мощам или изображениям которых мы будем притекать.

Одним словом: и в обыкновенных болезнях, легких и удобоизлечимых, мы должны, братие, пользуясь врачевствами человеческими, главную надежду возлагать на Бога и просить его милости; потому что Он дает мудрость врачам и силу врачествам. А тем более в недугах тяжких и опасных, когда мало остается или вовсе не остается надежды на пособие человеческое, мы должны обращаться всею верующею душею к небесному Врачу и пользоваться теми сверхъестественными средствами, какия, по бесконечной благодати своей, Он даровал в новозаветной Церкви для нашего врачевания. Аминь.

Слово в неделю о самаряныне, сказанное в Предтеченской церкви архиерейского дома 20-го апреля 1858 года.

«Грядет час, и ныне есть, егда истиннии поклонницы поклонятся Отцу духом и истиною» (Иоан. 4, 23).

Все мы, братие, без сомнения, желали бы быть истинными поклонниками небесному Отцу. А потому для всех нас весьма важно знать, что значит поклоняться Ему «духом и истиною». Тем более важно, что вокруг нас есть люди, именующие себя духовными христианами, которые превратно толкуют эти слова Спасителя и на основании их отвергают все внешнее Богослужение, нами содержимое. И мы поймем подлинный смысл этих слов, если рассмотрим их в целом составе речи, в которой они находятся, а не отрывочно, как обыкновенно поступают неправомыслящие, и если снесем с другими местами Священного Писания, где также говорится об истинном поклонении Богу.

Жена-самарянка, беседуя с Иисусом Христом, которого приняла сначала за простого иудея, скоро увидела, что Онъ – пророк (Иоан. 4, 19) и хотела предложить Ему для решения вопрос, бывший тогда предметом спора между самарянами и иудеями и считавшийся важнейшим. Вопрос состоял в том: где должно поклоняться Богу и совершать общественное Богослужение, – на горе ли Гаризин, где находился храм самарийский, или во Иерусалиме, где стоял храм иудейский, и следовательно – какое поклонение, какое Богослужение лучше, угоднее Богу, самарянское или иудейское. Отвечая на этот вопрос, заключавший в себе как бы две половины, Спаситель возводит мысль жены-самарянки к иному, высшему поклонению и Богослужению, которое принес на землю Он, и которое гораздо совершеннее, как самарянского, так и иудейского.

«Жено, веру ми ими», – сказал Он, решая первую часть вопроса, – «яко грядет час, егда ни в горе сей, ни в Иерусалимех поклонитесь Отцу» (Иоан. 4, 21), т. е., когда истинное поклонение и Богослужение не будет привязано ни к горе Гаризин, ни к Иерусалиму, а будет совершаться по всей земле, на всяком месте. Здесь указывается первое превосходство христианского Богослужения пред иудейским и самарянским. Иудейское могло, по закону, совершаться только в иерусалимском храме; самарянское совершалось только на горе Гаризин. Следовательно то и другое были местными и не могли соделаться общими для всего

человеческого рода. Христианская вера предназначена для всех людей и возвешена всем народам; потому и христианское Богослужение должно совершаться повсюду, христианские храмы могут устроиться во всех странах мира и не привязаны ни к какому определенному месту.

В ответ на последнюю часть вопроса Господь сказал самарянке: "вы", самаряне, «кланяетесь егоже не весте; мы», иудеи, «кланяемся егоже вемы: яко спасение от иудей есть» (Иоан. 4, 22), т. е., ваше поклонение Богу ложное: ибо известно, что самаряне были язычники и хотя приняли закон Моисеев, не переставали однакож «служить идолам своим по обычаю языков» (4Цар. 17, 33); а наше – иудейское поклонение есть истинное: ибо иудеи содержали истинное откровение Божие и из Иудеи должно было возсиять спасение для всего мира. Но, продолжал Господь, не смотря на то, что иудейское поклонение Богу есть истинное и лучше самарянского, «грядет час, и ныне есть, егда истиннии поклонницы поклонятся Отцу» не только не так, как поклоняются самаряне, да и не так, как поклоняются иудеи, а поклонятся Ему духом и истиною: "духом" – в противоположность поклонению самарянскому, исключительно чувственному; "истиною" – в противоположность поклонению иудейскому, символическому и прообразовательному. Самаряне, хотя «бояхуся Господа» (4Цар. 17, 32–33), хотя чтили Иегову, но в то же время поклонялись и бездушным истуканам; потому все их Богослужение ограничивалось одними внешними обрядами и чувственными жертвами. Иудеи поклонялись Богу истинному, Богу – Духу, и потому, принося Ему чувственные жертвы, в то же время возносились к Нему духом и верою в грядущего Мессию, исповедывали даже, что «жертва Богу дух сокрушен» (Псал. 50, 19); но самая их жертвы, составлявшая сущность их внешнего Богослужения, были только «сению грядущих благ», а не истиною (Евр. 10, 1), прообразовали великую жертву, принесенную на Голгофе и ежедневно приносимую в христианских храмах. В этом-то смысле обрядовый закон ветхозаветный противопоставляется благодати и истине и говорится: «закон Моисеом дан бысть, благодать же и истина Иисус Христом бысть» (Иоан. 1, 17). Следовательно второе, важнейшее превосходство христианского поклонения и Богослужения заключается в том, что оно, вопреки самарянскому, не ограничивается одними чувственными обрядами, а есть вместе и духовное, и, вопреки иудейскому, состоит не в приношении прообразовательных жертв, а в приношении жертвы истинной – Христовой. Христиане веруют, что Бог есть Дух, и потому, поклоняясь Ему телом, нераздельно поклоняются Ему и духом и одно внешнее поклонение без внутреннего считают недостойным Бога.

Веруют, что они получили дерзновение поклоняться Отцу небесному только в силу крестных заслуг Его едиnorodного Сына, и потому основанием или средоточием всего их общественного Богослужения служит приношение безкровной жертвы и свои молитвы к Отцу небесному они возсылают только "во имя" Иисуса Христа, «исполненного благодати и истины» (Иоан. 14, 14; 1, 14).

После этого можете судить, справедливо ли умствуют мнимодуховные христиане, будто поклонение Богу духом и истиною исключает всякое внешнее поклонение и Богослужение. Но такое умствование, противное смыслу всей речи Спасителя с самарянкою, не менее противно и другим местам Слова Божия об истинном христианском поклонении и Богослужении. Вот, например, как еще в ветхом завете Сам Бог пророчествовал иудеям об упразднении их прообразовательного Богослужения и о замене его новым, совершеннейшим: «и в вас затворятся двери, и не возгнетите огня алтареву Моему туне: несть воля Моя в вас, глаголет Господь Вседержитель, и жертвы не прииму от рук ваших. Зане от восток солнца и до запад имя Мое прославится во языцех, и на всяком месте фимиам приносится имени Моему, и жертва чиста» (Мал. 1, 10–11). Не очевидно ли и здесь обозначены те же самые высокие преимущества христианского Богослужения, сравнительно с иудейским, какие указаны и в беседе Спасителя с самарянкою, именно, что оно будет совершаться на всяком месте и состоять в приношении Богу фимиама и жертвы чистой, истинной? А приношение фимиама и жертвы возможны ли без внешних действий? Но чтобы точнее уразуметь смысл пророчества, перенесемся мыслию к самому событию и посмотрим, как действительно установил Христос приношение этой чистой жертвы и заповедал приносить ее своим последователям: "и прием" Иисус "хлеб", читаем в Евангелии, «и благословив преломи, и дающе учеником и рече: примите, ядите: сие есть тело Мое; сие творите в Мое воспоминание. И прием чашу и хвалу воздав, даде им, глаголя: пейте от нея вси: сия есть кровь Моя нового завета, яже за многия изливаема во оставление грехов; сие творите, елижды аще пиете, в Мое воспоминание» (Матф. 26, 26–28; Лук. 22, 19; 1Кор. 11, 23–25). Не ясно ли для всякого, что приношение жертвы чистой, новозаветной должно совершаться под чувственными видами хлеба и вина и должно быть соединено с чувственными действиями: возношением хвалы к Богу, благословением и преломлением хлеба? Впрочем не касаясь более приношения новозаветной жертвы, составляющего как бы средоточие собственно общественного Богослужения христианского, предложим еще два вопроса – вообще об истинном поклонении Богу.

"Духом" ли "и истиною" поклонялся Отцу своему небесному Господь наш Иисус Христос во время своей земной жизни? "Духом" ли "и истиною" поклонялись св. апостолы? Без всякого сомнения. А между тем Господь Иисус «возводил очи свои на небо», когда молился, и выражал свою молитву чувственными словами (Иоан. 17, 1), Господь Иисус даже «паде на лице своем, моляся» в саду гефсиманском (Матф. 26, 39). Апостолы «Петр и Иоанн восхождаста во святилище» иерусалимское «на молитву в час девятый» (Деян. 3, 1), и это уже по сошествии на них Святого Духа. Апостол Павел, собрав к себе и подробно наставив ефесских пресвитеров, в заключение «преклонь колена со всеми ими помолися» (Деян. 20, 36). И все апостолы «воздвигали глас» свой "к Богу" во время молитвы и выражали ее чувственными словами (Деян. 4, 24). Можно ли после этого сомневаться, что поклонение Богу духом и истиною вовсе не исключает телесных молитвенных знаков и должно быть соединяемо с поклонением наружным?

Не престанем же, братие мои, поклоняться Отцу нашему небесному «духом и истиною», – так, как поклонялся Ему сам Господь наш, как поклонялись Ему св. апостолы, как доселе поклонялись Ему и мы: поклоняться "духом", выражая однакож свое внутреннее поклонение внешними молитвенными действиями и «прославляя Бога не только в душах, но и в телесех» наших (1Кор. 6, 20); поклоняться "истиною", присутствуя всегда с верою при совершении безкровной жертвы и вообще при общественном Богослужении. И будьте уверены, что мы останемся тогда истинными поклонниками Богу, какими были доселе и какими должны быть все истинные православные христиане. Аминь.

Речь в неделю о слепом, сказанная в Предтеченской церкви архиерейского дома 27-го апреля 1858 года.

«Егда в мире есмь, свет есмь миру» (Иоан. 9, 5).

Сказав эти слова, Господь наш как бы в оправдание их немедленно отверз очи слепорожденному и таким образом просветил его (Иоан. 9, 6–7). Но не для одних слепцов, которых так часто исцелял и просвещал Господь, Он на земле явился светом: нет, Он был и остается светом миру, светом для всех людей, и следовательно для каждого из нас.

Первое свойство света то, что он прогоняет тьму и делает предметы видимыми. И Господь Иисус говорил о Себе: «Аз Свет в мир приидох, да всяк веруяй в Мя во тьме не пребудет» (Иоан. 12, 46). Он разогнал духовную тьму, облежавшую весь род человеческий в продолжение тысячелетий: тьму невежества, предразсудков и заблуждений, тьму многобожия, идолопоклонства и всякого рода суеверий. Он «дал есть нам свет и разум, да познаем Бога истиннаго», которого «никтоже виде нигдеже» (Иоан. 1, 18; 1Иоан. 5, 20). Он уяснил для нас нашу собственную судьбу от ея начала до конца, возвестив нам о нашем происхождении и высоком предназначении, о нашем падении и средствах к возстановлению. Он открыл нам и тайну бытия мира: его начала, цели, отношения к Богу и человеку. И ныне, ходя во свете лица Христова, мы видим все существующее в истинном виде, хотя видим "верою", а не знанием: потому что область святых истин, открытых нам Христом, есть область вышеопытная, и не подлежит ни нашим чувствам, ни исследованиям нашего разума, который даже на самых высших степенях своего развития, пока человек остается во тьме, в состоянии только гадать о ней, и высказывать одни мнения, предположения.

Но свет не только светит, а и живет: способствует развитию, возрастанью, созреванию живущих существ. И Господь Иисус сказал о Себе: «Аз есмь Свет миру: ходяй по Мне, не имать ходити во тьме, но имать свет животный» (Иоан. 8, 12). Христос есть для нас свет животный: потому что, «просвещая всякого человека, грядущего в мир» своим учением (Иоан. 1, 9), Он действительно и оживляет каждого верующаго, или возрождает духовно в таинстве крещения, сообщает каждому верующему «вся Божественныя силы, яже к животу и благочестию», чрез таинство миропомазания (2Петр. 1, 3), удостоивает каждого верующаго

приобщаться вечному животу в таинстве евхаристии, снова оживляет всякого согрешившего, но кающегося христианина, в таинстве покаяния. Христос есть для нас свет животный: потому что, просветив наш разум истинами веры и надежды, просветил и нашу волю истинами любви, указал нам путь живота духовного, уяснил нравственные законы, которые хотя начертаны в нашей совести и сердце, но вследствие грехопадения омрачились в нас и ослабели; а с другой стороны и потому, что способствует нам своею благодатию идти по этому пути живота, возрасть и укрепляться в христианском благочестии, приносить духовные плоды, как «действуя» в нас «и еже хотети, и еже деяти» все доброе «о благоволении» (Флп. 2, 13).

Обратимся к самим себе. Мы призваны «в чудный свет» Христов (1Петр. 2, 9), окружены этим светом, называемся «сынами света» (1Сол. 5, 5): что же, действительно ли он просвещает нас и оживляет? Увы! Многие, даже весьма многие из нас мало знают истины откровения, возведенные Христом, и следовательно остаются во тьме; другие, если и достаточно знают эти светоносные истины, но слабо веруют в них, или почти не веруют, и таким образом сами закрывают свои духовные очи от света Христова: ибо только веруя, как сказано, во тьме не пребудет; третьи – наибольшая часть – мало согреваются лучами благодати Христовой и не живут жизнью о Христе, а предаются «делом неплодным тьмы» и смерти (Ефес. 5, 11). Скажите, этому ли надлежало быть? Для того ли нам дарован свет Христов, чтобы мы пребывали во мраке? Для того ли мы сделались христианами, чтобы жить по-язычески?

Все вы, которые мало знаете истины откровения, старайтесь изучить их, да возсияет на вас свет Христов; все вы, которые слабо веруете в истины откровения, старайтесь стяжать и укрепить в себе веру, да просветит вас Христос; все вы, которые пребываете в смерти по грехам своим, старайтесь обратиться к Богу, да оживотворит вас Христос. Да явимся все мы, братие, не по имени только, а по самой жизни «сынами света» Христова. Аминь.

Слова и речи произнесенные в 1841–1868 г.

Слово в неделю св. отец, сказанное в Предтеченской церкви архиерейского дома 4-го мая 1858 года.

«Се есть живот вечный, да знают тебе единого истинного Бога, и егоже послал еси Иисус Христа» (Иоан. 17, 3).

Так мало, повидимому, требуется от нас для достижения живота вечного: знать и содержать только два догмата – один о Боге истинном, другой об Иисусе Христе. Но если мы внимательнее рассмотрим, что значит знать единого истинного Бога и посланного Им Иисуса Христа: то убедимся, что от нас требуется для достижения живота вечного – знать и содержать не два, а все догматы христианства и содержать именно так, как их содержит и преподает св. православная католическая Церковь.

Истинное учение о Боге и Иисусе Христе, без сомнения, то, которое заключается в Божественном откровении. Следовательно знает Бога и Иисуса Христа тот, кто принимает и исповедует это самое учение. Как же учит откровение об истинном Боге? Оно учит, что Бог есть чистейший, совершеннейший Дух, – Дух самобытный, вездесущий, вечный; Дух всеведущий и премудрый, всесвободный, всесвятый, всеправедный, всеблагий, всемогущий. Оно учит, что этот высочайший Дух един по существу, но троичен в лицах, которые, различаясь только личными свойствами, совершенно равны между собою и единосущны. Учит, что этот единый Триипостасный Бог создал все существующее, мир видимый и невидимый, ангелов и человеков, и о всех своих созданиях отечески промышляет; что, по грехопадении человека, Он не оставил его на вечную погибель, но дал ему обетование о будущем Избавителе, дал закон и пророков и наконец действительно послал обетованного Мессию в лице Иисуса Христа. Как учит откровение о Христе? Учит, что Он есть совершенный Бог и совершенный человек, по Божеству прежде век рожденный от Отца, а по человечеству во времени рожденный от Пресвятой Девы – Богородицы; что в Нем два естества Божеское и человеческое, но едино лице; что, явившись в мир, Он возвестил нам истины спасения, принес самого Себя в искупительную за нас жертву, основал на земле свою св. Церковь с ея спасительными таинствами; что, по вознесении своем на небеса, ниспослал оттуда Духа Святаго, ходатайствует там за нас пред Отцем небесным, является судиею и мздовоздаятелем для каждого умирающего человека, и что, по кончине времен, Он снова придет на землю, чтобы судить живых и мертвых и

воздать каждому по заслугам. Не видите ли, что учение о Боге истинном и учение об Иисусе Христе обнимают собою все догматы христианства, весь состав православного символа, что эти два учения составляют как бы основание и средоточие всего христианского вероучения, а прочие догматы служат только подробнейшим раскрытием их и изъяснением? Тот, кто не принимает каких-либо догматов веры Христовой, содержит уже не все учение о Боге и Иисусе Христе, и знает их не столько, сколько следует знать по Божественному откровению, – следовательно недостаточно для достижения живота вечного. Для этой цели необходимо знать и содержать все, что Сам Бог благоволил сообщить нам о Себе и о Христе Иисусе в Божественном своем откровении.

Но, братие, откровением пользуемся не мы одни: им пользуются раскольники и еретики. Откровением пользовался и нечестивый Арий, преданный анафеме св. отцами первого вселенского Собора, в честь которых празднует ныне св. Церковь. Недостаточно знать откровенные истины о Боге и Иисусе Христе, а надобно еще правильно понимать их: ложное понимание, конечно, не послужит к нашему спасению. Когда же мы можем правильно понимать эти истины, без опасности заблуждаться? Не тогда, когда, читая Слово Божие, будем сами толковать его каждый по-своему, а когда мы будем разуметь его так, как разумеет и изъясняет св. Церковь. Самые просвещенные и благонамеренные человеческие умы, по одной ограниченности своей, могут заблуждаться в этом, как и во всяком деле, если будут действовать без надежного руководства, а тем более – умы менее просвещенные и благонамеренные: отсюда-то и произошли все ереси и расколы. Потому Господь Бог, сообщая людям Свое откровение, вверил его для хранения не частным лицам, а своей св. кафолической или вселенской Церкви, которую и поставил быть нашею наставницею в делах веры и которая не может в этом случае погрешать, будучи, по выражению апостола, «столпом и утверждением истины» (1Тим. 3, 15). Отчего вселенская Церковь не может погрешать в делах веры? Оттого, что Глава Церкви, постоянно ей присущая, есть сам Господь Иисус, который руководит ею и предохраняет ее от всякого заблуждения (Ефес. 1, 22–23); оттого, что в Церкви обитает сам Дух Святый, Дух истины, который и наставляет ее на всякую истину (Иоан. 14, 16. 26). Орудиями, чрез которые Христова Церковь преподает людям свое непогрешительное учение, служат пастыри и учителя, которые для того и поставляются Иисусом Христом, «да не бываем ктому младенцы, влающиеся и скитающиеся всяким ветром учения, во лжи человеческой, в коварстве козней лщения» (Ефес. 4, 14). Вследствие такого устройства Церкви, во все времена, как только

возникала какая-либо ересь, взоры всех верующих обращались к пастырям и учителям Церкви; предстоятели Церкви – епископы, когда находили нужным, собирались на вселенские Соборы, общим голосом обличали ереси и определяли, как должно веровать христианам. И определения вселенских Соборов считались голосом самой истины, самого Иисуса Христа и Духа Святого. Эти-то определения доселе остаются неизменным основанием и руководством для всего учения св. православной Церкви.

Будем же, братие, твердо и неуклонно держаться учения нашей духовной Матери – св. православной Церкви; будем с живою верою принимать сердцем и исповедать устами все, что она преподает нам, на основании откровения, об истинном Боге и посланном Им Иисусе Христе, чтобы мы достигли живота вечного. В случаях каких-либо недоумений о предметах веры, будем обращаться к пастырям и учителям Церкви, законно поставленным, и да отвратим навсегда слух наш от самозванных учителей и пастырей, которые, уклонившись от православной Церкви в ереси или расколы, позволяют себе толковать Слово Божие по своему произволу, и, будучи сами слепцами, увлекают и других несчастных слепцов к вечной гибели. Аминь.

Слово в неделю XX-ю по Пятидесятнице, сказанное в Предтеченской церкви архиерейского дома 13 октября 1857 года.

«И виде ю Господь милосердова о ней, и рече ей: не плачи» (Лук. 7, 13).

В прошедшее воскресенье, братие, мы слышали из Евангелия заповедь нашего Спасителя о любви ко врагам; ныне слышим другую Его заповедь о любви и милосердии к несчастным. Ту заповедь Он преподал нам словом, сказав: «любите враги ваша» (Лук. 6, 35); эту преподает собственным примером, показав милосердие и сострадательность к несчастной вдовице наинской, лишившейся единственного сына, и воскресив его из мертвых. Великая разность между этими двумя заповедями. Первая, – заповедь о любви ко врагам, есть исключительно христианская: ее не внушает человеку закон природы, не внушала и не внушает ни одна из вер, существовавших и существующих вне христианства, – ни языческая во всех своих видах, ни магометанская, ни даже иудейская (Матф. 5, 46–47). Напротив, заповедь о сострадательности к несчастным громко проповедует сама человеческая природа, знали и знают язычники, подробно излагает магометанство, и еще подробнее иудейство.

Но, братие, несмотря на то, что заповедь о милосердии не принадлежит к числу отличительных заповедей христианских, мы, как христиане, должны отличаться исполнением ее более всех других людей, не исповедующих нашей св. веры: потому что, кроме общих для всех побуждений к милосердию, мы имеем еще особенные, высочайшие.

Посудите прежде всего, не мы ли сами более всех других людей пользуемся милосердием и щедротами нашего общего Господа и Владыки. Прочие люди, не-христиане, участвуют вместе с нами только в милостях Его, как Творца и Промыслителя, а мы наслаждаемся еще милостями Его, как Искупителя. Велики, неизмеримы милости к нам нашего Творца: Он даровал нам бытие единственно по своей безконечной благодати, устроил наше тело с такими совершенствами, которыми превосходит оно тела всех прочих животных, оживотворил нас, и только нас одних на земле, душою разумною и бессмертною, украсил нас своим собственным образом, превознес нас над всеми земнородными, поставил нас царями и владыками природы. Столько же велики и неизмеримы милости к нам Господа, как Промыслителя: мало того, что Он посылает нам все необходимое для

поддержания бытия, Он еще дает нам «вся обильно в наслаждение» (1Тим. 6, 17); Он печется о каждом из нас, и с такою любовью, что даже волос с головы нашей не падает без воли Его (Матф. 10, 30); печется и о целых человеческих обществах, Сам поставляя над ними царей и управляя ими, Сам поставляя чрез царей и низших власти для устройства счастья народов. Но что значат все эти милости Божии, все эти дары природы, доступные всем людям, сравнительно с теми чрезвычайными милостями, с теми дарами благодати, которые доступны только намъ – христианамъ? С тех пор, как человек согрешил, он подвергся величайшим бедствиям и сделался несчастнейшим из земнородных. И вот все люди, еще неверующие во Христа, доселе остаются посреди этих несчастий, а мы не только освобождены от них, но и пользуемся величайшими благами. Прочие люди доселе блуждают «во тме и сени смертной», не знают Бога истинного, не знают, как служить Ему, благоугождать Ему, не имеют верных понятий ни о мире, ни о самих себе и собственном назначении: мы, призванные в чудный свет Христов, познали Бога истинного и истинное богопочтение, для нашей веры решены все тайны мира и человека в Божественном откровении. Прочие люди доселе пребывают в рабстве греху и диаволу, – во грехах рождаются, во грехах живут и умирают, творя «похоти отца своего» (Иоан. 8, 44), и у себя не имеют никаких средств освободиться от этого позорного рабства: мы все освободились от него еще в таинстве крещения, когда вышли из купели совершенно чистыми и невинными, и можем освобождаться каждый раз, после новых грехов, в таинстве покаяния. Прочие люди доселе, как неочищенные от грехов, остаются «естеством чадами гнева Божия» (Ефес. 2, 3), живут в удалении от Бога, под клятвою Его, и не знают никакой возможности примириться с Ним и воссоединиться: мы все уже примирились с Богом верою в Сына Божия, пострадавшего за нас на кресте, и соделались не только близкими к Богу, но и присными Его, сынами Его по благодати и приискренне соединяемся с Господом в таинстве евхаристии. Прочие люди, по немощам испорченной человеческой природы, при всех усилиях и стремлениях к нравственному совершенству, не в состоянии достигать его: нам дарованы нашим Испытателем «вся Божественныя силы, яже к животу и благочестию» (2Петр. 1, 3), пользуясь которыми мы можем возвышаться до самых высших степеней нравственного совершенства. Прочие люди, как «чуждые от завет обетования» христианского, переходят в мир загробный без упования вечных благ и будущего воскресения мертвых (Ефес. 2, 12): мы знаем это сладостное упование, и, если не недостойно носим имя сынов

Божиих, с радостью переселяемся в вечные обители Отца нашего небесного. После таких милостей особенных и чрезвычайных, какими посетил нас Господь, бедных и несчастных, и которыми не пользуются еще прочие люди, неведующие Христа, кто-ж, как не мы – христиане обязаны по преимуществу отличаться милосердием к бедным и несчастным? Более всех людей мы прияли и приемлем от Господа "туне"; не более ли всех и должны раздавать "туне"? Не более ли всех обязаны быть подражателями нашего премилосердного Владыки, по заповеди Спасителя: «будите убо вы совершени, якоже Отец ваш небесный совершен есть» (Матф. 5, 48)?...

Взирая на все эти величайшие блага, которыми мы пользуемся в христианстве, можем ли не вспомнить, какою ценою они приобретены для нас? Для сего Онъ – сам Господь наш, "богат сый" в милости, «нас ради обнища, да мы нищетою его обогатимся» (2Кор. 8, 9). Для сего Он, будучи Сыном Божиим, «себе умалил, зрак раба приим, смирил себе, послушлив быв даже до смерти, смерти же крестныя» (Флп. 2, 7–8). Для сего Он, во время пребывания своего на земле, благоволил пройти весь путь бедности и нищеты. В бедности Он родился, в бедности и провождал жизнь. Бедные часто не имеют у себя крова, – и Сын человеческий не имел, «где главы подклонити» (Матф. 8, 20). Бедные и нищие часто нуждаются в пропитании и вообще в пособии от других, – и нашему Спасителю некоторые благочестивые жены служили «от имений своих» (Лук 8, 3). Бедные и нищие часто терпят скорби, лишения, поношения, преследования и неповинные страдания, – и наш Спаситель потерпел за нас на земле столько горьких скорбей, столько лишений, поношений и преследований, столько неповинных страданий, сколько не переносил их ни один человек в мире: "вид" его был «безчестен, умален паче всех сынов человеческих» (Ис. 53, 3). Что же было особенным следствием этого по отношению к бедным и нищим? Изведав на самом Себе всю тяжесть бедствий, какая несут на земле несчастные всякого рода, Господь наш столько возлюбил их, что удостоил назвать их своими «меньшими братьями», а чтобы побудить своих последователей к благотворительности несчастным, Он сказал даже, что всякое милосердие, оказываемое Его меньшим братьям, оказывается Ему самому (Матф. 25, 40). Христиане! Какое же побуждение может быть для нас сильнее и трогательнее этого? Еще в ветхом завете было известно, что «милуяй нища взаим дает Богу» (Прит. 19, 17); а теперь мы знаем, что, подавая милостыню нищим, мы подаем ее в лице их самому нашему Спасителю, и таким образом имеем возможность, хотя отчасти, как бы воздать Ему за все то обнищание, которым Он приобрел

для нас вечныя блага.

Но и этим, братие, еще не исчерпываются особенныя побуждения для нас к милосердию и благотворительности. Придет время, когда окончится на земле благодатное царство, в котором мы пользуемся столькими чрезвычайными милостями и щедротами, приобретенными для нас обнищанием нашего Спасителя; настанет суд, когда потребуют от нас отчета, как воспользовались мы этими милостями и достойны ли мы перейти в царство славы, или заслужили вечное наказание. Припомните-ж, как будет происходить этот суд, по изображению Спасителя. Тогда, говорит Он, разделит верховный Судия праведников от грешников и, поставив первых одесную Себя, а последних – ошуюю, скажет первым: «приидите благословеннии Отца моего, наследуйте уготованное вам царствие от сложения мира». За что же? «Взалкахся бо, и дасте ми ясти: возжадахся, и напоите мя: странен бех, и введосте мене: наг, и одеясте мя: болен, и посетисте мене: в темнице бех, и приидосте ко мне... Аминь глаголю вам, понеже сотвористе единому сих братий моих меньших, мне сотвористе» (Матф. 25, 34–36. 40). Вслед за тем Он речет и сущим ошуюю Его: «идите от Мене проклятии во огнь вечный, уготованный диаволу и аггелом его. Взалкахся бо, и не дасте ми ясти: возжадахся, и не напоите мене: странен бех, и не введосте мене: наг, и не одеясте мене: болен, и в темнице, и не посетисте мене.... Аминь глаголю вам, понеже не сотвористе единому сих меньших, ни мне сотвористе» (Матф. 25, 41–43. 45). Нет сомнения, что на всеобщем суде будут приняты во внимание все наши дела, добрыя и злыя (2Кор. 5, 10), и что безпристрастный Судия воздаст тогда каждому по заслугам (Рим. 2, 6). Не видите ли, что дела милосердия христианского будут иметь тогда особенное значение на весах правды Божией, и что от них-то по преимуществу будет зависеть окончательное решение нашей вечной участи?...

Благочестивые слушатели! Сама природа внушает нам любовь и сострадательность к несчастным; сама природа побуждает нас к милосердию и благотворительности. А вотъ – св. вера предлагает нам еще особенныя, чрезвычайныя побуждения! Последуем же этим сугубым внушениям и побуждениям, – и соделаемся милосердыми, милосердыми по-христиански. Аминь.

Слово в неделю XXII-ю по Пятидесятнице, сказанное в Предтеченской церкви архиерейского дома 27 октября 1857 года.

«Чад, помяни, яко восприял еси благая твоя в животе твоём, и Лазарь такожде злая: ныне же zde утешается, ты же страждещи» (Лук. 16, 25).

Да не подумает кто-либо, слыша этот ответ отца верующих – Авраама богачу, страдавшему во аде, будто все богачи, все счастливыцы мира, восприявшие "благая" в настоящей жизни, будут страдать в жизни загробной, и напротив все бедные, несчастные, вкусившие "злая" на земле, будут утешаться на небеси. Такая мысль была бы величайшею несправедливостию: ибо и между богатыми и знатными встречаются люди добрые и истинные христиане, а между бедными и нищими – люди порочные, даже в высшей степени порочные. Нет, ответ Авраама относился к богачу, но богачу нечестивому, не воспользовавшемуся своим богатством для спасения души своей, и касался бедняка – Лазаря, но бедняка благочестиваго, умевшего воспользоваться своею бедностию для своего спасения. А потому из слов отца верующих мы можем выводить для себя вот такого рода уроки:

Положим, что вы принадлежите к числу людей богатых и счастливых. Наслаждаясь благами мира, которыми благословил вас Господь, чаще – чаще вопрошайте самих себя: чем вы заслужили эти блага? Старались ли угождать Господу исполнением Его воли? Умели ли жить так, как повелевает св. вера? Если совесть ваша даст вам утвердительный ответ: то радуйтесь и благодарите Всевышняго за Его к вам милости. Благодарите не словами только, а новыми и новыми делами христианского благочестия. Воспользуйтесь самым богатством, как средством благоугодить Господу. В каком бы обилии ни текли к вам сокровища, не прилагайте к ним сердца (Псал. 61, 11). Желаете ли умножить их и распространить? Умножайте, но средствами законными, согласными с духом христианской справедливости, честности и любви к ближним. Хотите сделать из своего богатства надлежащее употребление? Употребляйте его на самые существенныя свои нужды, а не на прихоти, не на излишества, не для удовлетворения своим страстям: употребляйте – во славу Божию, для созидания и украшения св. храмов и св. обителей, и во благо ближних – на дела общественной и частной благотворительности, для пособия нищим, сиротам, вдовицам и вообще нуждающимся в вашей помощи. Что

может быть тогда завиднее вашей участи? Не напрасно уже вас будут называть счастливыми: восприяв благая своя в жизни настоящей, вы не только не подвергнетесь страданиям, напротив восприимите вечныя блага и в жизни загробной. Но если совесть ваша скажет вам и будет повторять, что вы живете незаконно и не заслуживаете тех благ, какими ущедряет вас Промысл: тогда страшитесь и будьте крайне внимательны к своему положению. Тут одно из двух: или Господь осыпает вас дарами своими и милостями, не смотря на ваше нечестие, единственно по своей неисчерпаемой благодати, желая победить своею отеческою любовью ваше холодное сердце, привести вас к покаянию и извлечь вас из бездны пороков в свои объятия. И тогда, если вы вознерадите о таком богатстве благодати и долготерпения Божия, если останетесь безответными на такой призыв Отца небесного, вы только, «по жестокости» своей «и нераскаянному сердцу, собираете» и приумножаете себе «гнев в день гнева и откровения праведного суда Божия» (Рим. 2, 4–5). Или, быть может, Господь наделяет вас благами мира, при всей вашей греховности, по своей безконечной правде, желая воздать вам и за те немногия добрыя свойства, какия вы имеете, за те немногия добродетели, какия вы совершили, чтобы потом уже, если вы не раскаетесь в течение настоящей жизни, воздать вам по смерти за все то зло, какому вы так долго и упорно предавались. Ах, почувствуйте ваше опасное положение, поспешите исправить свою жизнь и воспользоваться богатством для спасения души своей! Иначе ваша участь по смерти будет ужасная: напрасно вы станете взывать о помиловании. "Чадо", скажут вам тогда и благодать и правда Божии, помяни, "яко" ты «восприял еси» от нас «благая твоя в животе твоём»: теперь восприими и злая твоя по твоим заслугам, за злоупотребление всем тем, чем от нас пользовался.

Обратимся к вам, люди бедные, страждущие, называющие себя несчастными в мире! Разсматривайте и вы повнимательнее собственную жизнь, и вникайте безпристрастнее, не сами ли вы виновны в ваших бедствиях, не заслужили ли вы их своими пороками. Если окажется, что Господь наказывает вас по грехам вашим: радуйтесь и благодарите Его. Он столько милосерд к вам, что наказывает вас здесь, чтобы не наказывать уже в вечности; Он наказывает вас с целию, чтобы вы раскаялись в своих злодеяниях и сделались лучшими. Поймите-ж силу отеческого наказания и воспользуйтесь им для спасения души своей. Или, статья может, вы страдаете невинно, страдаете за правду, благочестие, за имя Христово? О, в таком случае еще более радуйтесь и благодарите Бога: ибо «мзда ваша многа на небесех» (Матф. 5, 12). Посреди бедствий и скорбей душа ваша

постепенно очистится, как очищается золото в горниле (Прем. 3, 6). Здесь-то, посреди окружающих вас искушений, открывается пред вами обширнейшее поприще, чтобы показать во всем свете вашу живую веру, вашу твердую надежду на Бога, вашу истинную любовь, которая «николиже отпадает» (1Кор. 13, 8), – чтобы подвизаться, возвышаться и преуспевать в христианском смирении, кротости, терпении, самоотвержении и других добродетелях. А по мере того, как вы, идя тернистым путем по земле, будете возвышаться в добродетелях, вы будете заслуживать себе высшие и высшие награды на небеси, и «еже ныне легкое печали» ваша, «по преумножению в преспеяние тяготу вечная славы соделает» вам (2Кор. 4, 17). Но если, – от чего, Боже, вас сохрани, – вы, навлекши на себя бедствия по грехам своим, не только не исправляетесь от этого наказания и вразумления Божия, а еще предаетесь новым порокам; или, если, подвергшись страданиям невинно, не находите в себе столько твердости и мужества, чтобы переносить их по-христиански, напротив начинаете роптать на Бога, малодушествовать и вслед за тем вдаваться даже в преступления, которых прежде не знали: тогда горе вам, горе! Хотя бы вы бедствовали на земле целую жизнь, хотя бы испытали на себе все роды страданий и скорбей: они нисколько не послужат спасению вашей души; от бедствий временных вы перейдете к вечным мукам.

Братие! Св. вера учит нас, что настоящая наша жизнь есть время нашего воспитания для вечности. Земля есть школа, где мы приготавливаемся для неба. Счастливые и несчастные случаи в нашей жизни – это уроки, какие дает нам наш небесный Наставник, содержащий в деснице своей все жребии человеческие. Научимся же понимать эти уроки и пользоваться ими для спасения души своей. Тогда и богатые и бедные будут равно в состоянии достигнуть вечного блаженства. Аминь.

Речь в неделю св. отец пред Рождеством Христовым, сказанная в Предтеченской церкви архиерейского дома 22 декабря 1857 года.

«По вере умроша сии вси..., исповедавшие, яко страннии и пришельцы суть на земли» (Евр. 11, 13).

Так говорит св. апостол о ветхозаветных праведниках, которые удостоились быть отцами или предками по плоти Господа нашего Иисуса Христа. Все они жили до Рождества Христова, одни за десятки, другие за сотни, третьи даже за тысячи лет, и все далеко не имели тех средств ко спасению, какия имеем мы, живущие по Рождестве Христовом. А между тем как жили они? Они сияли такою верою и благочестием, какия редко встречаются и между нами, христианами. Отчего же это происходило? Главным образом оттого, что они имели правильный взгляд на жизнь, сознавали и исповедывали, что люди суть только странники и пришельцы на земле и что истинное отечество их на небеси (Евр. 11, 14–16). Ах, как бы изменилась к лучшему и наша жизнь, братие, если бы мы твердо помнили эту простую, общеизвестную в христианстве, истину, – помнили и руководствовались ею в своей деятельности!

Мы странники и пришельцы на земле, наше отечество на небесах: понятно, почему необходима нам вера! Страна, в которую мы вступаем с самого рождения, как пришельцы, есть страна, нам неизвестная. Пути, по которым мы должны совершать здесь свое странствование на небо, – пути также неизвестные. Наконец и та страна, к которой мы должны стремиться, страна вечности еще менее ведома человеку. Нужно, чтобы кто-либо сообщил нам верныя сведения о той и о другой стране и указал пути, ведущие прямо к небесной отчизне. Нужен нам путеводитель знающий и благонадежный, которому бы мы могли вполне довериться и предаться. И вот сам Господь Бог сообщил нам все эти, необходимые нам, сведения в своем сверхъестественном откровении; сам Господь Бог даровал нам такого надежного путеводителя в лице св. Православной Церкви, чтобы она, под Его невидимым руководством, изъясняла нам истины откровения, преподавала благодатныя силы для подкрепления нас на пути и оберегала нас от всяких уклонений и заблуждений. Чтож остается нам, странникам и пришельцам на земле, как не одно – веровать всем сердцем и душою в истины Божественного откровения и предаться со

всем детским доверием св. Церкви, нашей духовной Матери и руководительнице к вечной жизни?

Мы странники и пришельцы на земле; наше отечество на небеси: понятно, почему необходимо нам благочестие. Странники не должны замедлять в пути и особенно не должны привязываться к какому-либо месту, напротив должны идти вперед и вперед, чтобы достигнуть желанной цели. А мы останавливаемся на своем пути к небу, мы привязываемся к земле, когда и мыслями, и желаниями, и чувствованиями вращаемся в вихре земной суеты, когда предаемся мирским удовольствиям, прилагаем сердце свое к земным благам и сокровищам, увлекаемся суетною славой и почестями. одним словом – когда живем порочно. Мы можем простираться вперед на пути к небу только тогда, когда наш ум будет «мудрствовать горняя, а не земная» (Кол. 3, 2), наше сердце – стремиться к благам духовным, вечным, наша душа – возвышаться над плотию и восходить от одной степени нравственного совершенства к другой по лестнице добродетелей, ведущей к Богу. Кто ж из нас после этого, если только он действительно желает достигнуть небесного отечества, не сознает во всей силе обязанности «распирать плоть свою со страстьми и похотьми» (Гал. 5, 24), «умертвить уды» свои, «яже на земли» (Кол. 3, 5) и подвизаться во благочестии (1Кор. 4, 7)?

Братие о Христе! В честь св. отцев по плоти Господа нашего Иисуса Христа, которых память совершает ныне св. Церковь, запечатлеем глубже этот урок, завещанный нам их жизнью, что мы пришельцы на земле и странники к небесной отчизне, и что потому нам необходимы вера и благочестие. Таким образом мы подготовимся сретить и самого Господа, раждающагося во плоти для того, чтобы даровать нам полную возможность достигать небесного Царствия и научить нас истинной вере и благочестию. Аминь.

Речь по прочтении Высочайшего манифеста о Всемиловитивейшем даровании крепостным людям прав состояния свободных сельских обывателей и об устройстве их быта, сказанная в кафедральном соборе 11-го марта 1861 года.

«О всем благодарите» (1Сол. 5, 18).

Если, по слову св. апостола, мы должны «благодарить о всем», что бы с нами ни случилось доброго или худого: то как же, братие, не благодарить нам ныне, когда с высоты царского престола к нам раздался такой сладостнейший глас, полный любви и милости? Ныне пред нами совершается одно из величайших и благодетельнейших событий, какая когда-либо совершались в пределах земли русской. Почти целая треть исполинского населения России приемлет новый, лучший жребий из рук своего Благочестивейшего Государя. Около 23 миллионов (легко сказать!), около 23 миллионов наших соотечественников получают новые гражданские права и как бы новую жизнь. А с тем вместе и для всего нашего отечества открывается новый обширнейший путь к раскрытию его сил и средств и к всестороннему, всех объемлющему, образованию, усовершенствованиям, благоденствию и славе. Мысль изнемогает, усиливаясь обнять всю громадность события, которого мы видим одно начало. Только потомки, дальние потомки в состоянии будут измерить полное значение этого события и, конечно, запишут его, как самую яркую эпоху, на страницах русской истории. Пусть не всех нас непосредственно касается оно, а от некоторых потребует даже, быть может, и немалых жертв. Но, во имя отечества, во имя человечества, во имя христианства, пред которыми должны умолкнуть все наши личные расчеты и частные интересы, можем ли мы, сыны России, все до единого не сочувствовать вполне этим миллионам наших сограждан, которые равны нам и по природе и по вере, а теперь приравниваются нам по правам гражданским? Их участь неразрывно связана с нашею и неотразимо отзовется в судьбе всего отечественного края.

Да вознесутся же наши благодарные сердца, прежде всего, к престолу Вседержителя, который даровал нам такого доброго, благодушного, многопопечительного Монарха, и постоянно согревает сердце Его

любовию к подданным, который возбудил в душе Его святое намерение и неугасимую заботу об улучшении быта целого огромнейшего класса крепостных поселян и умудрил, подкрепил Его своею всемошною благодатию совершить этот необыкновенный подвиг Его царственного служения.

Благодарность, от лица всей земли русской благодарность, в роды родов благодарность и Тебе, Помазанник Божий, Отец отечества, как всего приличнее мы в праве называть Тебя ныне после новаго, безпримерного доказательства Твоей отеческой любви к нам и заботливости о нас! Знаем и не перестанем помнить, что, кроме искренних благожеланий Тебе, кроме теплых молитв о Тебе и о всем Твоем Августейшем Доме, мы можем и должны воздавать Тебе еще тем, если, как дети, будем любить Тебя, сочувствовать Твоим благим намерениям о нас, повиноваться всем Твоим постановлениям и ревностно, добросовестно будем проходить, каждый, обязанности своего звания ко благу нашего общего отечества.

Вы особенно, наши братья, на кого непосредственно излилась ныне милость царская, умеете понять эту чрезвычайную милость, умеете оценить ее и достойно возблагодарить Помазанника Божия своим добрым поведением и повиновением Его священной власти. Все, что можно было сделать для улучшения вашего быта, сделано согласно с законом любви и правды: будьте ж довольны своею новою участию и не помогайтесь большего, чего не указала вам Монаршая воля. Вам дарованы теперь новыя права и льготы; но чрез то самое на вас возложены и новыя обязанности: старайтесь же исполнять их со всею ревностию. Если и прежде вы трудились и работали: то теперь трудитесь и работайте еще усерднее. Если и прежде вы «воздавали всем должная, ему же убо урокъ – урок, а ему же дань – дань» (Рим. 13, 7): то теперь еще добросовестнее несите все законныя повинности, еще неуклончивее платите определенные подати и оброки. Если и прежде вы повиновались начальствам, от Царя поставленным над вами, и своим господам: то особенно теперь покажите свое повиновение им согласно Высочайшей воле, выраженной вам в манифесте. Иначе, чем же вы засвидетельствуете, что глубоко чувствуете новую милость к вам Благочестивейшего Государя? Чем оправдаете Его отеческия попечения о вас? И только при вашем усиленном трудолюбии, при вашей исправности в платеже государственных податей и оброков, при вашем всецелом повиновении начальству, вы действительно будете способствовать как улучшению вашего собственного быта, так и благу всего нашего отечества.

Господи Боже, Благодетелю наш! Призри с небеси и благослови

великое дело, совершившееся на земле русской, да принесет оно самые вожделенные и сладостнейшие плоды для всех нас, – сынов России, и да возрадуется, при виде этих плодов, доброе сердце Помазанника Твоего, Благочестивейшего Государя нашего Императора Александра Николаевича. Аминь.

Примечания

¹ - Еще в бытность его епископом Тамбовским и Шацким, в Казанской церкви архиерейского дома, 1-го Марта 1859 года.

² - Сказана преосвященным Макарием, епископом Харьковским и Ахтырским, 14 августа 1861 года.

³ - Сказано, по совершении литургии, в Виленском Свято-Духовом монастыре, 29-го августа 1876 года.

Содержание

Слова и речи митрополит Макарий (Булгаков)	1
Слово в неделю православия ¹	2
Речь благочестивейшему Государю Императору Александру Николаевичу пред вступлением Его Величества в Харьковский кафедральный собор ² .	8
Слово в день усекновения главы святого Пророка, Предтечи и Крестителя Господня Иоанна. О помощи славянам ³ .	9
Речь в день Богоявления Господня, сказанная в Предтеченской церкви архиерейского дома 6-го генваря 1858 года.	12
Слово в неделю Ваий, сказанное в Предтеченской церкви архиерейского дома 16 марта 1858 года.	14
Речь в Великий пяток, сказанная в Киево-Софийском соборе в 1842 году.	17
Речь на Преполовление Пятидесятницы, сказанная в Предтеченской церкви архиерейского дома 16-го апреля 1858 года.	20
Речь на Вознесение Господне, сказанная в женском тамбовском монастыре 1-го мая 1858 года.	22
Слово в день Пресвятыя Троицы, сказанное в кафедральном соборе 11-го мая 1858 года.	24
Слово в день Воздвижения Честного и Животворящего Креста, произнесенное в Предтеченской церкви архиерейского дома 14 сентября 1857 года.	27
Речь в день Благовещения Пресвятыя Богородицы, сказанная в Предтеченской церкви архиерейскаго дома 25 марта 1858 года.	30
Слово в день Успения Пресвятыя Богородицы,	

произнесенное в Саровской пустыни 15 августа 1857 года.	32
Слово в день Казанския Божия Матери, сказанное в Предтеченской церкви архиерейского дома 22 октября 1857 года.	35
Слово в день архистратига Михаила и прочих безплотных сил, сказанное в Предтеченской церкви архиерейского дома 8-го ноября 1857 года.	39
Что такое – мир духовный?	40
Как велик и обширен духовный мир?	41
Какое устройство мира духовного?	42
Где находится духовный мир?	43
Какое отношение мира духовного к вещественному и к нам?	44
Какое, наконец, должно быть наше отношение к миру духовному?	45
Слово в день св. пророка Илии, произнесенное в Вознесенском, тамбовском, женском монастыре 20 июля 1857 года.	46
Слово на Новый год, сказанное в кафедральном соборе 1-го января 1858 года.	49
Речь на Новый год, сказанная в Харьковском кафедральном соборе 1-го января 1868 года.	52
Слово в неделю о мытаре и фарисее, сказанное в Предтеченской церкви архиерейского дома 12 января 1858 года.	54
Слово в неделю Православия, сказанное в Казанском С.-Петербургском соборе в 1844 году.	58
Слово в неделю вторую Великого поста, сказанное в Предтеченской церкви архиерейского дома 16 февраля 1858 года.	64
Слово в неделю третью Великого поста, сказанное в Предтеченской церкви архиерейского дома 23-го февраля 1858 года.	67

Слово в неделю четвертую Великого поста, сказанное в Предтеченской церкви архиерейского дома, 2-го марта 1858 года.	70
Слово в неделю пятую Великого поста, сказанное в Предтеченской церкви архиерейского дома, 9-го марта 1858 года.	73
Слово в неделю Антипасхи или Фомину, сказанное в Предтеченской церкви архиерейского дома 30-го марта 1858 года.	76
Слово в неделю св. жен мироносиц, сказанное в тамбовском женском монастыре 6-го апреля 1858 года.	79
Слова и речи произнесенные в 1841–1868 г.	82
Слово в неделю о самаряныне, сказанное в Предтеченской церкви архиерейского дома 20-го апреля 1858 года.	84
Речь в неделю о слепом, сказанная в Предтеченской церкви архиерейского дома 27-го апреля 1858 года.	88
Слова и речи произнесенные в 1841–1868 г.	90
Слово в неделю XX-ю по Пятидесятнице, сказанное в Предтеченской церкви архиерейского дома 13 октября 1857 года.	93
Слово в неделю XXII-ю по Пятидесятнице, сказанное в Предтеченской церкви архиерейского дома 27 октября 1857 года.	97
Речь в неделю св. отец пред Рождеством Христовым, сказанная в Предтеченской церкви архиерейского дома 22 декабря 1857 года.	100
Речь по прочтении Высочайшего манифеста о Всемилоостивейшем даровании крепостным людям прав состояния свободных сельских обывателей и об устройстве их быта, сказанная в кафедральном соборе 11-го марта 1861 года.	102

сооре 11-го марта 1861 года.
Примечания

105